

О. БЕДАРЕВ

**Я СЫН
МОРЯКА**

Олег БЕДАРЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА—1960

Рисунки А. БРЕЙ

МЕНЯ ЗОВУТ САШЕЙ

Полное мое имя Александр. У меня нет ни папы, ни мамы — я сирота. Живу в детском доме недалеко от Москвы, на станции Малаховка.

У нас здесь очень весело. Тетя Лида и тетя Валя знают столько игр, что во все и за целый день не переиграешь. А еще мы ходим в поле и в лес за цветами и за ягодами.

Игрушек у нас тоже много, всяких-всяких: и автомобили, и кубики, и мишка, и большой мячик. В живом уголке есть черепаха, кролики, в аквариуме живут рыбки. В клетке жил чирик, но мы его выпустили: пусть летает на воле вместе с другими чириками, а то одному ему скучно.

На грядках и клумбах у каждого из нас растут свои овощи и цветы. Мы заботимся о них: подсыпаем земли, по-

ливаем, вырываем сорняки. Мой картофельный куст в этом году зацвел раньше других. Тетя Лида говорит, что я хорошо за ним ухаживаю.

Тетя Лида читает нам интересные книжки и всегда показывает все картинки. Я тоже знаю буквы и немножко умею читать. А когда научусь совсем хорошо, то буду читать самые лучшие книжки вслух тете Лиде и буду показывать ей картинки. Она очень любит красивые картинки. Когда мы рисуем, тетя Лида поглядит и обязательно выберет несколько рисунков:

— Смотрите, как Оля красиво нарисовала!

И всем покажет картинку.

САМАЯ ТРУДНАЯ БУКВА

Букву «р» я умею писать по-печатному. А вот выговорить ее я долго не мог: вместо «р» у меня каждый раз «л» получалось, как я ни старался.

Тетю Лиду и тетю Валю мне было просто называть, а вот с нашей поварихой тетей Варей получалось плохо. Она у меня выходила тоже Валею из-за этого самого «р». Еще хуже с тетей Раей. Я как скажу «Лая» вместо «Рая», ребята засмеются и закричат:

— Что ты все лаешь?

Даже стали дразнить меня за это лайкой. Я знаю, лайка — это порода собак, их на севере в санки запрягают, почту на них возят и всякий груз. Лайки — собачки хорошие, с острыми ушками, лохматые и с длинными ресницами. Я на картинке видел. Но все-таки очень обидно, когда мальчика дразнят собачкой.

Я один раз даже за это Вовку хорошенько кулаком ударил. Он заплакал и пожаловался.

— За что ты обидел Вову? — спросила тетя Лида.

Глаза у нее были сердитые. Мне стало обидно, я тоже заплакал и рассказал, за что ударил Вовку.

— Все равно драться нехорошо, — покачала головой тетя Лида, — да еще со своим товарищем.

Я и сам знал, что нехорошо, но так вышло. Вот тогда тетя Лида увела меня в беседку, посадила там и сказала:

— Давай, Саша, возьми как следует и научись произносить звук «р».

— А как научиться?

— Ты видел трактор?

— Видел.
— Скажи: «Я видел трактор».
— Тлактол, — сказал я и заплакал.
— А ты не плачь, — остановила меня тетя Лида. —
Лучше скажи, как трактор тарахтит?
— Тр-р-р-р... — зашумел я.
— Вот видишь, у тебя и получился звук «р».
Теперь я умею говорить «тр-р-рактор-р-р». Тетя Лида
смотрит на меня и улыбается:
— Слышите, ребята, как Саша научился «р» говорить? А
вы над ним смеялись...

НОВОЕ НЕСЧАСТЬЕ

Я бегу и все время повторяю слова «тр-р-рактор-р-р»,
«мотор-р», «пир-р-рог». Хорошо, приятно! Будто горошину
во рту перекатываешь: «Р-р-р»! По всему детскому дому
слышно: и в коридоре, и в саду, и на огороде. И все кругом
довольны, что я наконец одолел трудный звук: смотрят на
меня и улыбаются.

Я бегу на картофельные грядки, где копаются Оля и
Вова. Мне хочется, чтобы они еще раз слышали мое «р».
Прыгая с ноги на ногу, издали кричу нараспев:

— Кар-р-ртошечка, моя кар-р-ртошечка!

Они поднимают головы, улыбаются. А я подхожу с та-
ким видом, будто ничего особенного не произошло. Мне на-
до подсыпать земли на свою картошку, и я хочу попросить у
Оли лопату. Начинаю говорить и тут замечаю, что у меня
получается что-то совсем другое:

— Оря, дай мне ропатку.

Теперь у меня не выходит звук «л».

Я так огорчен, что даже не плачу. Вове, видно, жалко
меня:

— От радости «Оля» выговорить не может, — улыбается
он.

— Оля, Оля, — говорит девочка. — Скажи: «Оля».

Я повторяю за ней сперва тихо, а потом все громче и
громче:

— Оля, Оля, Оля!..

— Теперь правильно, — смеется она.

— Оля, дай лопатку, я грядку поправлю, — говорю я, и
все «л» и все «р» точно попадают на свое место.

ДНИ РОЖДЕНИЯ

У нас в детдоме дни рождения празднуют тридцатого числа — сразу для всех ребят, которые родились в этом месяце. В июне мне исполнилось шесть лет. Вместе со мной праздновали свой день рождения еще восемь мальчиков и девочек.

На праздничном ужине было много вкусного. Тетя Варя испекла девять пирогов с вареньем и на одном из них палочками из теста написала «САША». Этот пирог был самым вкусным, с моим самым любимым вареньем — клубничным.

Шефы — комсомольцы с завода — принесли много конфет и орехов, а каждому имениннику — по подарку.

Я получил пароход. Настоящий пароход: с трубой, с окнами и с двумя мачтами. А на каждой мачте — по красному флажку.

Наши ребята подарили мне альбом для раскрашивания, а Вова — коробку цветных карандашей. Вот он, Вова, какой друг! А я тогда ударил его кулаком. Я выбрал удобную минуту, подошел к нему и попросил прощения. Это вовсе не стыдно — попросить прощения, если ты виноват перед товарищем. Я знаю: слыхала бы тетя Лида, сказала бы, что я правильно поступил.

После ужина, когда мы играли в третий лишний, в паровозы, а потом ездили наперегонки на трехколесных велосипедах, откуда-то пришла тетя Лида. Щеки у нее были розовые и глаза блестели, как будто она откуда-то торопилась.

— Ребята! — крикнула она, а когда стало тихо, сказала: — Саша получит сейчас самый большой подарок. Пришло письмо от его отца. Он уже давно разыскивает Сашу и вот наконец нашел. Поздравляю тебя, Саша!

У МЕНЯ ЕСТЬ ПАПА!

Я лежал на своей кровати и все думал о папе. Ребята спали, а я наблюдал, как луна дошла до нашего окна и сначала заглянула в него сбоку, а потом в самую середину.

Я видел, как девочки и мальчики, такие же, как я, ходят со своими папами и мамами. Мне тоже очень хотелось ходить за руку с моим папой.

Но тут я подумал: а что, если папа приедет в Малаховку и увезет меня куда-то далеко? Тогда я не буду больше жить вместе с нашими ребятами, играть с Вовой, с Олей и никогда не увижу тетю Лиду. Мне стало очень грустно и захотелось плакать.

Поскорее бы увидеть папу и попросить его! Если он мой настоящий папа, то, наверное, он хороший. А если я его попрошу, то он возьмет, ну, не всех ребят, а хотя бы Вову и Олю.

А тетя Лида? Она может не захотеть ехать с нами.

Она большая. Тут я не выдержал и заплакал. Заплакал тихонько, про себя.

— Почему ты не спишь, Саша? — склонилась над кроватью тетя Лида.

Я из-за слез не мог ответить сразу. Немного погодя я перестал плакать и спросил:

— Тетя Лида, мой папа — настоящий папа?

— Конечно, настоящий и любит тебя.

А он возьмет Вову и Олю?

— Как это Вову и Олю? — удивилась тетя Лида. — Ты же его сын, он тебя и возьмет.

Я понял, что бесполезно просить папу забрать ребят. Понял, что и тетя Лида не поедет со мной. Папа возьмет только меня одного, потому что я — его сын. Я взял тетю Лиду за руку и сказал:

— Я не поеду к папе, останусь здесь.

Тетя Лида почему-то вздохнула, поправила подушку, подоткнула одеяло и погладила меня по голове.

— Спи, Саша, — сказала она тихо. — Спи и ни о чем не думай. У тебя замечательный папа, и тебе с ним будет хорошо.

МОЙ ПАПА — МОРЯК

Зовут папу Константин Алексеевич, а фамилия у него Лопатин. Тетя Лида рассказала, что он плавает на большом корабле в настоящем море. Море это далеко-далеко от Малаховки, и называется оно Черное море.

Я видел моряков и на картинках и так просто. Они иногда проходили по улице в Малаховке. Поэтому я могу представить папу в фуражке с золотом на козырьке, в черной форме с галстуком, с кортиком на боку. Я представлял себе и корабль, на котором плавает папа. А вот Черное море никак не мог вообразить.

— Оно черное-пречерное, как гуталин? — спрашивал я.

— Ничего, скоро увидишь, — отвечала тетя Лида. — Папа придет, и поедете вы с ним на Черное море.

И я каждый день ждал папу. Мне хотелось, чтобы он приехал поскорее.

— Что ты опять торчишь у забора? — крикнет на меня тетя Валя. — Иди играй со всеми вместе. Твой папа мимо не пройдет.

Я и сам знал, что папа, конечно, найдет в Малаховке наш детский дом. И все равно снова подходил к забору, и даже перестал кататься на своем трехколесном велосипеде.

Один раз я выскочил на дорогу и побежал навстречу военному с кортиком. Но оказалось, что он совсем не моряк, а летчик.

Так проходил день за днем, а папа все не ехал и не ехал.

— Может быть, вовсе и нет у меня никакого папы? —

спросил я однажды у тети Лиды перед тем, как идти спать.

— Есть и скоро за тобой приедет. Он же занят на работе, поэтому и задерживается.

Но папа так и не приехал, только от него пришло письмо.

ЧТО БЫЛО НАПИСАНО В ПИСЬМЕ

Папа писал, что он не сможет приехать за мной. Его корабль отправился в какое-то очень важное плавание. Он просил, чтобы кто-нибудь привез меня. А еще папа сообщал, что перевел деньги на дорогу.

— Что значит «перевел деньги»? — не понял я.

Тетя Лида объяснила:

— Папа пошел на почту, написал на специальном бланке, кому нужно вручить деньги, и отдал их кассиру. Бланк привезли в почтовом вагоне за тысячи километров в самую Малаховку. Теперь остается только пойти на почту и получить деньги.

— Вот здорово-то! — удивился я.

— Деньги-то мы получим, — сказала тетя Лида, — а вот кто тебя повезет?

— Тетя Лида, — начал я упрашивать, — отвезите вы меня.

— А ты будешь слушаться?

— С одного словечка.

— Ну, смотри, — ответила тетя Лида, — ты мне сам пообещал. Пойду к заведующей, поговорю. Может быть, она меня и отпустит.

Тетя Лида ушла, а я сел на велосипед и покатил по тропинке к грядке, где рос мой картофельный куст. На середине тропки сидел воробей. Я поехал еще быстрее и нацелился на него передним колесом. Но разве воробья задавишь? Он чирикнул и взлетел на вишневый куст.

— Боишься! — крикнул я воробью, и вдруг это слово испугало меня самого. А что, если заведующая не разрешит тете Лиде ехать со мной?

Соскочив с велосипеда, я бросился в дом.

«Отпустите со мной тетю Лиду!» — захотелось мне крикнуть в комнату, где сидела заведующая. Но сделать этого я не успел. Дверь открылась, и из комнаты вышла тетя Лида.

МЫ ЕДЕМ С ТЕТЕЙ ЛИДОЙ

Заведующая разрешила. Я так обрадовался, что побежал на улицу и закричал об этом громко-громко.

— Значит, уезжаешь? — спросил Вова.

— С тетей Лидой! — радостно выпалил я.

— Это хорошо, что у тебя будет отец, — сказал Вова. Он сказал это так грустно, что мне его стало жаль.

— погоди, может быть, и у тебя разыщутся папа и мама.

— Нет, мои не разыщутся, — сказал Вова.

— А я с моим папой обязательно поговорю, — пообещал я. — Попрошу взять тебя и Олю.

Вова ничего не ответил, но я знал, что он не поверил. Да я и сам не очень верил. Помнил, как тетя Лида сказала: «Ты его сын, тебя он и возьмет».

— Я тебе все-все свои игрушки оставлю, — сказал я. — Хочешь — и карандаши, и альбом для раскрашивания?

— Нет, ты их с собой возьми, — посоветовал Вова. — Будешь рисовать и нас вспоминать.

В последний вечер перед отъездом мы с Вовой и Олей сидели в саду и разговаривали. Сначала мы старались вообразить, какой у меня папа, а потом гадали, какое из себя Черное море.

— А другие отцы бывают сердитые, — сказал Вова, — чуть что — и отлупят ремнем...

— Нет, мой хороший, — заступился я за отца.

— А ты откуда знаешь? — сразу спросила Оля.

— Наверное, хороший, — вступился Вова. — Разыскал все-таки Сашку-то.

В этот вечер я все свои игрушки отдал Вове. Отдал и пароход с трубой, окнами и двумя мачтами, на которых вились маленькие флажки.

НАС ПРОВОЖАЕТ ВЕСЬ ДЕТСКИЙ ДОМ

Тетя Варя испекла на дорогу вкусные пирожки с мясом и еще сварила яичек всмятку. Ребята нарвали букеты цветов и с ними шли до самой станции.

Когда подкатил электропоезд, каждый хотел отдать нам свой букет. Но цветов было слишком много. Если бы взять все, то нам самим не осталось бы места на скамейке в вагоне. Тетя Лида взяла только два букета: у Вовы и Оли.

В вагоне я стоял на скамейке у окошка и видел всех ребят на платформе и всех воспитателей. Они махали руками и букетами цветов.

Электричка загудела и двинулась вперед. Это можно было заметить только по тому, как платформа с ребятами поплыла назад, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее.

Вот уже и вовсе не стало видно ни ребят, ни платформы, не видно было и самой Малаховки.

У меня вдруг защекотало в носу. Я бы, наверное, разревелся, но побоялся. На противоположной скамейке сидел старичок с седыми волосами и в очках, сердитый-сердитый, точь-в-точь как доктор, к которому мы ходили с тетей Валею, когда у меня болело ухо.

Старичок посмотрел на меня сквозь очки и спросил совсем не строго, даже с улыбкой:

— Куда же это тебя провожало столько ребят?

Я все же боялся и молчал. Доктор тогда тоже улыбался, а потом вставил мне в ухо какую-то трубку. Было очень больно.

— Почему ты не отвечаешь дяде? — спросила тетя Лида, берясь за чемодан.

Старичок быстро встал и взял чемодан из рук тети Лиды:

— Разрешите, я вам помогу!

Он сам закинул чемодан на багажную сетку над окном. Потом снова сел и принялся расспрашивать, куда я еду и зачем.

ЭЛЕКТРИЧКА БЕЖИТ БЫСТРО

Мелькают за окнами деревья, дома, столбы. Вот шоссейная дорога пересекает нашу линию. Тяжелая металлическая перекладина перегородила дорогу. Машины выстроились в очередь, ожидают, пока пройдет поезд и откроется для них путь.

— Саша, знаешь, что это такое? — спросил седой сосед.

— Шлагбаум, — не задумываясь, ответил я. — Такой есть и у нас в Малаховке.

— Правильно, — подтвердил старичок и опять спросил: — А для чего сделан шлагбаум?

— Чтобы машины не попали под поезд.

— Ты молодец, — похвалил он меня.

Тогда я начал гудеть, подражая гудению шлагбаума. Потом стал подмигивать то одним, то другим глазом, как это делает шлагбаум своими красными сигнальными огоньками.

— А почему он так делает? — спросил старичок.

Этого я не знал. Тогда он стал объяснять:

— Шлагбаум закрывается сам, автоматически, его не надо закрывать руками. Когда поезд находится еще на большом расстоянии от переезда, раздается протяжный гудок. Он предупреждает шофера, что надо остановиться: по рельсам идет поезд. Мигающие красные огоньки тоже предупреждают шофера.

Сколько есть разных хитрых машин на свете и как интересно узнавать о них! Мне очень нравилось ехать на поезде. И старичка, нашего соседа, я уже не боялся. Он был не доктор и совсем добрый. Звали его дядя Володя.

Я НЕ БОЮСЬ

Электropоезд часто останавливался. Одни пассажиры выходили, другие входили. Раздавался гудок, и поезд снова трогался. Опять за окнами мелькали столбы, дома, деревья.

Мне сначала было страшно, когда мимо окон с грохотом и гудением проносились поезда. Я отскакивал от окна, прижимался к тете Лиде и зажимывал глаза. Дядя Володя смеялся:

— Я думал, ты смелый, Саша, как твой папа-моряк!

— А мне не страшно, — соврал я.

А когда опять мы встретили поезд, я глаза не зажмурил, только дыхание затаил.

Поезд мчался так скоро, окна вагонов мелькали так быстро, что все слилось в одну светлую полосу.

— Вот это да! — закричал я.

— Так и надо, Саша, — улыбнулся сосед. — Даже если страшно, все равно глаза не закрывай. Трус, да еще с закрытыми глазами, может и мышь медведем показаться.

И я решил, что больше никогда ничего не буду бояться, как мой папа-моряк. Ведь дядя Володя сказал, что настоящие моряки очень смелые.

ПОЕЗДА ПРОХОДЯТ ПОД НАМИ

Мы проезжали длинный высокий дом с большими окнами. К нему вели рельсы, а на рельсах стояли электрические поезда.

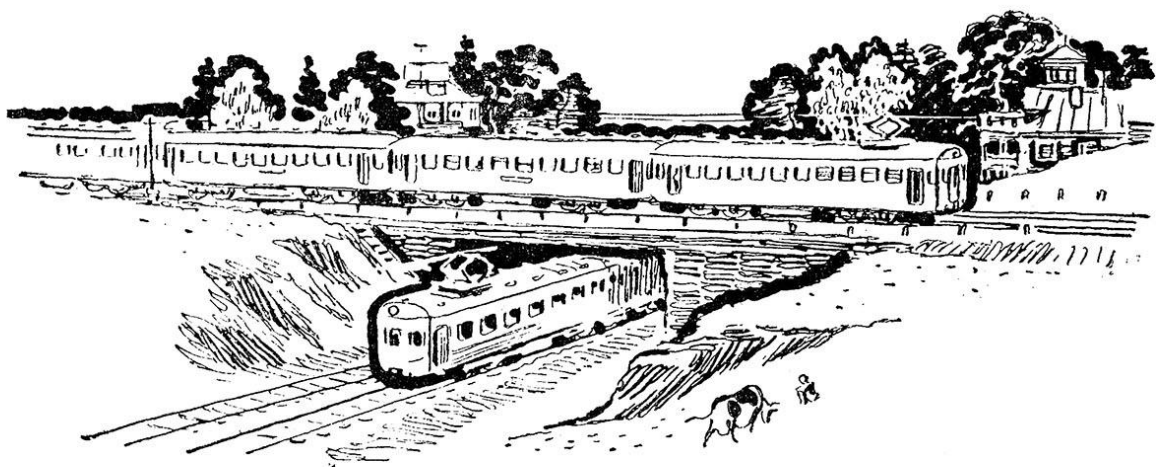
— Здесь электрички живут? — догадался я.

— Совершенно верно, — кивнул головой дядя Володя, — это их парк.

— Парк? — удивился я. — Что, они гуляют по парку?

— Мы днем часто ходим в городской парк, на детскую площадку, — засмеялась тетя Лида. — Вот он и решил, что поезда прогуливаются в парке.

— Нет, Саша, — сказал дядя Володя, — помещения для электропоездов, трамваев, троллейбусов так и называ-

ются: трамвайный парк, троллейбусный парк. В парке их моют, чистят, ремонтируют.

Наша электричка проносилась теперь по мосту, но внизу не было реки.

— Смотрите! — закричал я и захлопал в ладоши.

Внизу под мостом проходили рельсы, и там бежала такая же электричка, как наша.

— Очень нехорошо, — строго заметила тетя Лида, — очень нехорошо не слушать, когда тебе объясняют, да еще кричать.

Я не понял, за что она сердится. Я думал, что ей и нашему соседу тоже понравится, как электричка бежит под нами.

— Ничего, — покачал головой дядя Володя. — То, что Саша увидел, тоже интересно.

Тут я вспомнил: дядя Володя рассказывал о парках для разных машин. Мне захотелось попросить рассказать еще, но теперь, после замечания тети Лиды, было совестно.

МОСКВА

Поезд пришел в Москву на Казанский вокзал. Здесь была не одна платформа, как у нас в Малаховке, а несколько. У одной из платформ остановилась наша электричка. Около другой стояла такая же, как наша, и в нее садились люди. Не успели мы пройти несколько шагов, как

соседний поезд тронулся и побежал в ту сторону, откуда мы приехали.

А у другой платформы я увидел состав пассажирских вагонов. Из дверей вагонов выходили пассажиры, неся в руках чемоданы и корзинки. Носильщики в белых фартуках тащили по два чемодана через плечо.

— Откуда этот поезд пришел? — спросил я у тети Лиды.

— Из города Алма-Аты, — ответила она. — Видишь на вагоне белую табличку?

— Вижу.

— Вот на них всегда пишут, откуда и куда идет поезд. На этом написано: «Алма-Ата—Москва».

Как это просто! А я удивлялся, откуда взрослые так быстро угадывают. Проходит поезд мимо Малаховки, а кто-нибудь взглянет и сразу скажет: «Из Ташкента». Когда я научусь быстро читать, я тоже буду узнавать любой поезд.

— Вот в этом вагоне почту возят, — показала тетя Лида на один вагон.

Он отличался от других вагонов тем, что у него было меньше окон, а дверь находилась посередине.

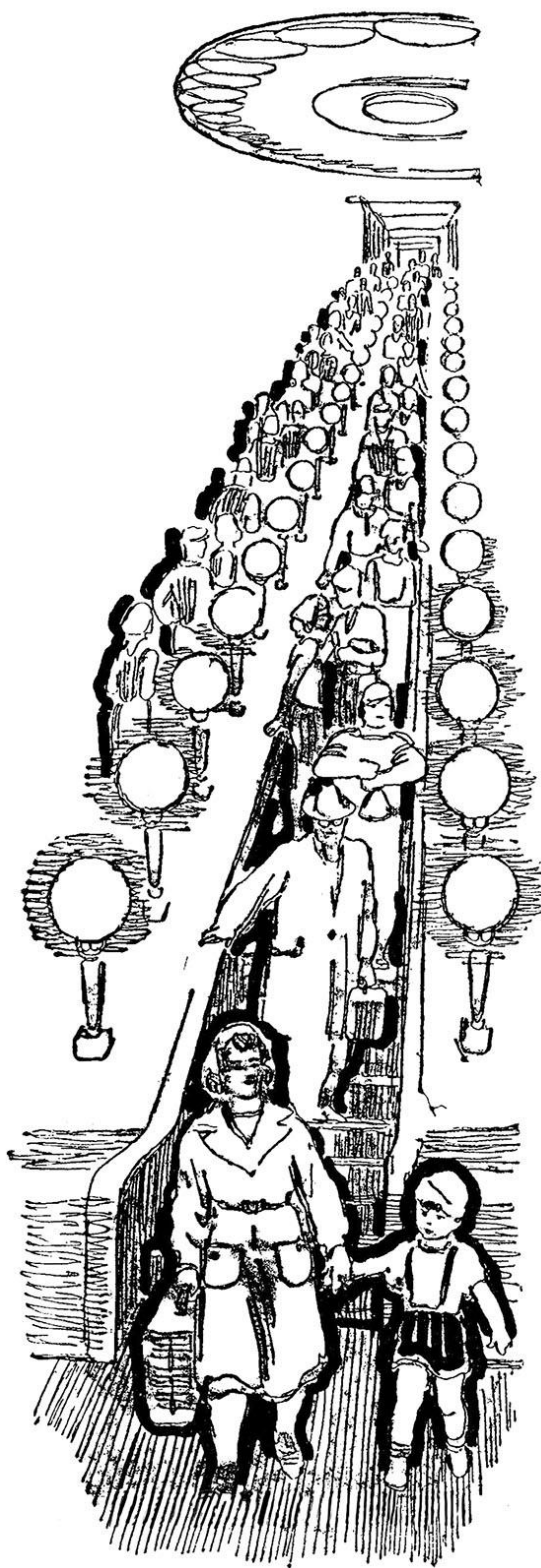
— Письмо от папы тоже в этом вагоне пришло? — спросил я.

— Не в этом, но в таком же.

Я еще раз посмотрел на почтовый вагон, и он мне еще больше понравился.

Следующий вагон — багажный. Его большие двери открыты, оттуда выгружают всякие вещи: свертки, чемоданы, ящики. И все это складывается на небольшие тележки, сцепленные одна с другой.

Железнодорожник, стоявший на передней тележке, опустил какую-то рукоятку — и тележки покатались. По-

ехали свертки, чемоданы, ящики.

Мне очень понравилась багажная тележка. Такую бы нам в детдом! Я бы всех ребят покатал.

МЫ В МЕТРО

Я об этом догадался, как только мы вышли из коридора в просторный зал с мраморными стенами. В конце зала мы встали на лестницу, которая сама ехала вниз. Называется такая лестница эскалатор. Рядом такая же лестница поднималась вверх: дяди, тети, ребята ехали на вокзал.

Мы спустились вниз и попали в зал с красивыми колоннами. Это была платформа. Мне очень хотелось хорошенько посмотреть на рельсы внизу, за краем платформы. Но тетя Лида все время крепко держала меня за руку и не подпускала близко к краю. Зато я видел начало туннеля, куда уходили рельсы.

Над туннелем, сбоку, висели большие часы без стрелок, на них поочередно загорались огоньки. Когда огонек загорался совсем вверху, посередине часов вспыхивала большая цифра.

— Что это такое?

— Это часы, — объяснила тетя Лида. — Они показывают, сколько минут прошло после ухода поезда.

Внутри туннеля сначала светился красный огонек, потом вспыхнул зеленый. Я догадался, что это такой же светофор, какие висят над железной дорогой у нас в Малаховке. Пройдет поезд — на светофоре загорится красный свет. Это значит, что для следующего поезда путь закрыт. Уйдет поезд дальше, на другом светофоре загорится красный свет, а на этом — зеленый. Значит, следующий поезд может проходить. Теперь уже не произойдет крушения. Первый поезд ушел далеко, и его не догонишь.

На светофоре в туннеле давно горит зеленый свет, но поезда нет и нет. К другой стороне платформы подошел поезд. Сами собой раздвинулись двери и выпустили множество людей, а другие люди вошли в вагоны. Потом тетя в красной фуражке подняла над головой кружок. Двери опять сами собой закрылись, и поезд укатил.

— Тетя Лида, а почему наш поезд не идет? — спросил я.

— Во-первых, еще не прошло и трех минут, — спокойно ответила тетя Лида, — а во-вторых, поезд уже подходит.

И правда, к платформе подкатил поезд. Вагоны с большими окнами остановились. Двери опять зашипели и открылись. Мы вошли, сели на мягкий диван. Двери закрылись, и поезд тронулся.

НА ДРУГОМ ВОКЗАЛЕ

Станция метро, на которой мы вышли из вагона, называлась «Киевская». Поезд с грохотом умчался дальше в туннель. Мы с тетей Лидой поднялись по эскалатору и просто по лестницам и попали еще на один вокзал. Он назывался тоже Киевским.

— Почему он Киевский? — спросил я.

— Потому что отсюда идут поезда в город Киев, — ответила тетя Лида.

— А нам же надо в Одессу?

— Мы поедем через Киев в Одессу.

Сначала мы шли через большой зал. Здесь стояло много скамеек, а на них сидело много-много людей. Тетя Лида сказала, что это пассажиры.

— Тетя Лида, а зачем они все едут? — спросил я.

— Кто они? — не поняла тетя Лида.

— А вот все пассажиры?

— Мы с тобой зачем едем? — спросила она вместо того, чтобы ответить.

— К папе.

— Ну вот, и люди едут каждый по своему делу. Одни возвращаются из Москвы домой к своим детям, к семьям. Другие едут по делам на завод, на фабрику или в колхоз.

— И все в Киев? — поинтересовался я.

— Почему в Киев? — пожала плечами тетя Лида. — Поезд останавливается на многих станциях, в разных городах. Каждый едет туда, куда ему надо.

ДО СВИДАНИЯ, МОСКВА!

— До отхода поезда осталось еще полтора часа, — сказала тетя Лида. — Сдадим вещи в камеру хранения ручного багажа и пойдем погуляем по городу. Ведь еще два дня придется сидеть в вагоне.

Вокзал очень большой. Мы переходили из одного зала в другой и все шли и шли. Я даже удивлялся, как это тетя Лида не заблудилась здесь.

В комнате, куда мы пришли, было много полок. На них стояли разные вещи. Тетя Лида отдала наш чемодан. Его тоже поставили на полку, а нам дали бумажку, по которой потом мы получим чемодан обратно.

Мы вышли на площадь. К вокзалу то и дело подъезжали серые автомобили с темными шашками на боку. Из машин выходили люди, выносили вещи.

— Все это пассажиры? — спросил я.

— Да, — кивнула головой тетя Лида.

— Где же мы поместимся? Наверное, в вагоне так тесно будет, что и к окну не проберешься.

Темнело. Кругом в домах и на улице зажглись огни. Мы перешли площадь и остановились около каменных перил. Тетя Лида подняла меня и поставила на перила, крепко обхватив руками.

— Смотри, Саша, как красиво!

Было очень-очень красиво. Внизу текла река. В ней отражались огни из окон домов, стоявших на противоположном берегу. Над рекой висел мост. По нему бежали машины, сверкая фарами. По обоим берегам на столбах горели яркие электрические шары.

— Вот там высотное здание, — показала тетя Лида.

Я увидел огромное здание с острым шпилем, высоко поднявшимся в небо. Мне сразу вспомнилась новогодняя елка у нас в детдоме. Елка стояла в зале, почти упираясь в потолок вершиной со звездой. И вся она, вот так же, как этот большой дом, светилась огоньками.

— Давай, Саша, попрощаемся с Москвой и с Москвой-рекой, — предложила тетя Лида.

И мы вместе тихо сказали:

— До сви-да-ни-я!

В ВАГОНЕ

Мы подошли к вагону. Перед дверью стоял проводник в черной железнодорожной форме. Посмотрев наши билеты, он сказал:

— Третье купе, одиннадцатое место. Проходите, гражданин. — И, отметив что-то у себя на бумажке, пропустил нас в вагон.

Сначала мы вошли в длинный узкий коридор. Горел электрический свет. Через окна с одной стороны было видно платформу, по ней спешили пассажиры. А с другой стороны коридора были двери в маленькие комнаты. Двери не такие, как в доме: они не закрывались, а задвигались в стенку.

В маленькой комнате, которую проводник назвал купе, было окно, у окна — столик, на столе — электрическая лампа под абажуром. Вдоль стенок — полки во всю длину комнаты, две внизу и две вверху. В нашем купе сидела одна тетя.

— Вот и соседи. Вы далеко едете? — спросила она, как только мы вошли.

— До Одессы, — ответила тетя Лида.

— Я тоже. Очень хорошо, вместе до конца, — заулыбалась тетя и спросила меня: — Как тебя зовут, юный пассажир?

— Саша, — ответил я. Мне очень понравилось, что меня тоже называют пассажиром.

Мы с тетей Лидой устроились на нижней полке, напротив незнакомой тети. Та все время говорила и говорила. Оказалось, что она сидела не на своем месте. Ее полка верхняя, а ей почему-то не хотелось туда ложиться. Я бы с удовольствием залез вместо нее, но попросить об этом побоялся.

В купе вошел военный. Незнакомая тетя стала разговаривать с ним и просила уступить нижнюю полку.

— Пожалуйста, — сразу согласился военный.

— Спасибо, большое спасибо! — благодарила тетя военного.

А я-то думал, что в вагоне будет тесно. Оказывается, на каждом билете обозначено место, на которое, кроме тебя, уже никто не может сесть.

В наше купе пришел еще один пассажир. Он посмотрел на всех и, ничего не сказав, положил чемодан на верхнюю полку. Потом снял пальто, шляпу и повесил их на крючок возле двери.

Мне почему-то было страшно, когда новый сосед взглядывал на меня через очки. Я на всякий случай поплотнее прижимался к тете Лиде.

ПОЕХАЛИ!

Поезд тронулся. Пришел проводник и принялся стелить постели на полках. Чтобы ему не мешать, все пассажиры вышли из купе и стояли в коридоре. Тетя Лида подняла меня, и я смотрел в окно. Поезд еще бежал по Москве. Она проплывала мимо окна вся в золотых блестках окон и фонарей.

Рядом со мной смотрел в окно сосед-военный.

— Как тебя зовут, пассажир? — спросил он меня.

Я ответил.

— А вас как зовут? — поинтересовался я.

— Дядя Вася.

Я покосился на второго соседа в очках. Он стоял около дверей, курил и нетерпеливо поглядывал на проводника. Мне все казалось, что этот злой очкастый пассажир сейчас начнет кричать на проводника, на меня, на тетю Лиду.

Но все обошлось благополучно. Как только проводник закончил стелить постели, очкастый взобрался на свою полку, улегся и сразу отвернулся к стенке.

А дядя Вася весело разговаривал с тетей Лидой, с нашей другой соседкой и, конечно, со мной.

— Ты куда же едешь? — спросил он меня.

— В Одессу.

— Видишь, ты даже дальше меня покатишь.

— А вы куда едете?

— В Киев.

— Киев больше Москвы?

— Нет, не больше, но все-таки большой. Приедем, я тебе покажу, — пообещал дядя Вася.

— И тете Лиде покажете?

— И тете Лиде, — согласился дядя Вася.

— Саша, ты, наверное, надоел дяде, — позвала меня тетя Лида.

— Нет, нет, что вы, — вступился дядя Вася. — Мы с Сашей подружились. Правда, Саша?

Но тетя Лида все равно забрала меня и стала укладывать спать. Она положила меня к стенке, а сама легла с краю.

Кровать у нас получилась удобная, не хуже, чем в детском доме. И спать хорошо. Слышно, как постукивают колеса, как будто поют одну и ту же песенку: тук-тук, тук-тук.

МНЕ СТРАШНО

Я проснулся ночью. Мне почему-то сделалось страшно. Колеса не стучали. Поезд стоял на станции. В купе было темно. Только через занавеску пробивалась узкая полоска света. Все спали. И тетя Лида дышала спокойно, ровно. Я прижался к ней и немного успокоился.

Но тут вдруг вверху зашевелился очкастый сосед и стал слезать. Как я ни сдерживался, слезы потекли. Я все прижимался к тете Лиде и тихо-тихо всхлипывал, стараясь не разбудить ее. Но она проснулась.

— Что ты, маленький? — зашептала тетя Лида и стала гладить меня по голове. — Что с тобой, ну, что ты плачешь?

Я не мог ничего сказать. Сосед вышел в коридор, и было видно через неприкрытую дверь, как он курил, прислонившись к стенке вагона. А мне все еще было страшно.

Только начинаю засыпать, как перед глазами появляется злое лицо соседа в очках. Он наклонился надо мной и кричит. Открываю глаза: никого нет, сосед курит в коридоре, а тетя Лида ласково гладит меня по голове. Опять закрываю глаза — и опять сосед кричит.

И вдруг мне кажется, что он и есть мой отец. И голос Вовки слышу:

«Я же говорил, отцы бывают сердитые, чуть что — и отлупят ремнем...»

— Тетя Лида, а мой папа сердитый? — совсем тихо зашептал я, но она услышала.

— Нет, что ты, твой папа замечательный!
Как хорошо, что со мной рядом тетя Лида, такая добрая
и такая хорошая.
Я глубоко вздохнул и наконец заснул.

СТОЛОВАЯ НА КОЛЕСАХ

Паровоз торопился. Дядя Вася объяснял, почему так спешит паровоз.

— Поезда ходят по расписанию, минута в минуту.
Машинист должен точно в срок привести поезд на следующую станцию.

— А если не успеет?

— Обязательно успеет, — уверенно ответил дядя Вася. — Впереди нас и позади нас по этим рельсам бегут другие поезда. Если наш поезд задержится, он другим загородит дорогу.

По вторым рельсам, рядом, бежали встречные поезда — пассажирские и товарные. Сначала паровоз, а за ним вагоны с грохотом проносились мимо окна. Встречные поезда тоже торопились.

— Все надо делать вовремя, Саша, — сказал дядя Вася и, посмотрев на свои часы, обратился к тете Лиде: — Сейчас время идти обедать. Пойдемте?

Мы вышли на площадку и вошли в следующий вагон. Был он такой же, как наш, с отдельными маленькими комнатами — купе. Только полки там были мягкие — диваны. Прошли и этот вагон. И теперь мы попали в вагон, который был совсем не похож на все другие.

В нем не было отдельных купе — была одна большая комната, и в ней стояли столы, как в нашей столовой в детдоме. Мы сели, и нам принесли сначала суп, после котлеты и даже на третье по стакану компота.

Настоящая столовая, только на колесах. Мы сидели за столом, обедали, как дома, а мимо окон проплывали поля, дома, телеграфные столбы. Поезд бежал и бежал вперед.

КИЕВ

Мы переехали широкую реку — Днепр. Внизу под мостом шли пароходы, лодки. Одна лодка под белым парусом. Парус надулся под ветром, и лодка шла быстро.

На высоком берегу поднимались дома и домики, тонувшие в зелени садов.

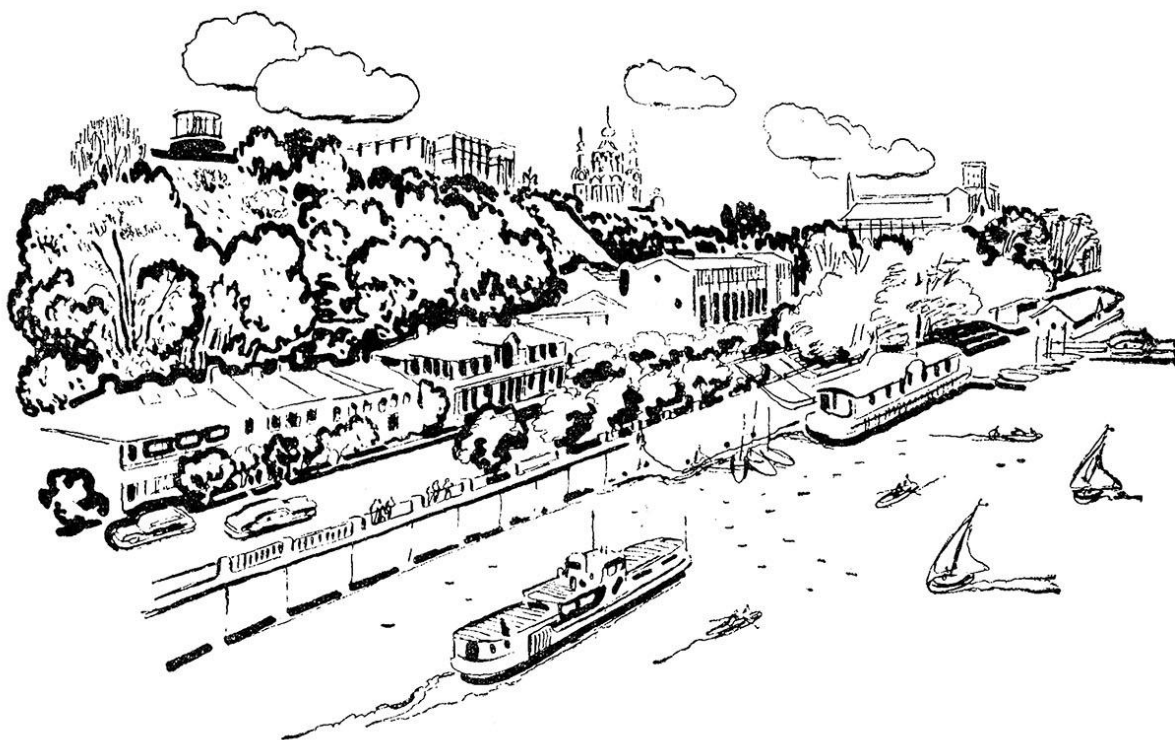
— Вот я и приехал, — сказал дядя Вася, забирая свой чемодан с полки. — До свидания, Саша, расти большой.

Мне было жаль расставаться с дядей Васей, и я попросил его ехать с нами до Одессы.

— Не могу, Саша, — ответил он. — Живу и работаю я в Киеве. И есть у меня тут такой же, как ты, сынишка — Петька.

— Вы обещали Киев показать, — напомнил я.

— Показал бы, да, видно, придется в другой раз. Поезд стоит всего пятнадцать минут. Уйдем, а он без тебя уедет. А твой папа, поди, ждет не дождется своего Сашку.

Поезд подошел к большому вокзалу. Дядя Вася попрощался со всеми и вышел из вагона. Я смотрел из окна на платформу. Навстречу ему бросился мальчик в синем матросском костюме. Мальчик подбежал, уцепился за шею дяди Васи и стал его целовать. Это, конечно, был Петька. Потом подошла женщина — видимо, мать Петьки.

Мне стало грустно. Петька сидел на руках у отца. А как я встречу со своим папой? Возьмет ли он меня вот так же на руки? И дядя Вася вовсе забыл обо мне...

Я уже собирался отойти от окна, но в это время дядя Вася поставил Петьку на платформу и, обернувшись к вагону, помахал мне рукой. Его жена улыбнулась мне. Я замахал обеими руками и махал до тех пор, пока они шли к выходу.

ВОТ ЭТОТ ДОМ

Поезд пришел в Одессу. Пассажиры выходили из вагонов. Мы с тетей Лидой тоже очутились на платформе. Вместе с толпой прошли через вокзал. На залитой ярким солн-

цем площади, куда мы вышли, было шумно, как в Москве. Бежали такие же автобусы, звенели трамваи. Такие же серые с шашечками автомобили привозили одних людей на вокзал, а других увозили в город.

— Тетя Лида, — спросил я, — а вы знаете дорогу?

Мне хотелось поскорее приехать к папе, и я боялся, что мы можем заблудиться в чужом городе. Ведь тетя Лида тоже первый раз была в Одессе.

— Найдем дорогу, — успокоила она меня и повела за руку через площадь.

Вдруг я увидел перед собой милиционера и немного даже испугался. Но милиционер козырнул тете Лиде и вежливо спросил:

— Что хотите, гражданочка?

Она что-то сказала про адрес и показала бумажку. Милиционер принялся объяснять, как скорее и удобнее проехать туда, куда нам надо.

И вот автобус покатил нас по улице мимо домов, магазинов с вывесками и витринами. По обе стороны улицы росли деревья с большими ярко-зелеными листьями. Таких деревьев я не видел раньше ни в Малаховке, ни в Москве.

— Это каштаны, — сказала тетя Лида. — Они растут на юге, где тепло, а у нас не растут.

Мне еще хотелось обо многом расспросить, но скоро мы вышли из автобуса и пошли по улице, потом свернули на

другую. Наконец тетя Лида остановилась и сказала:

— Вот этот дом.

Она поставила чемодан, присела около меня и начала поправлять и одергивать на мне рубашку, поправила панаму.

— Смотри, Сашенька, — говорила она, — будь послушным мальчиком, люби своего папу, он у тебя хороший и очень любит тебя.

Я заметил, что у нее немного дрожали руки. Она поправляла и поправляла мой костюм, хотя уже давно все было поправлено. Я почувствовал, что и у меня как-то замирает сердце. Тетя Лида поцеловала меня в лоб и сказала:

— Ну, пойдем!

В ЧУЖОЙ КВАРТИРЕ

Мы остановились перед дверью на втором этаже, и тетя Лида нажала кнопку звонка.

На улице мне все время было жарко, а сейчас, здесь, на лестнице, показалось холодно. Неужели я сейчас увижу своего папу?

Дверь открыла полная женщина и, как только тетя Лида назвала папину фамилию, вскрикнула громко:

— Ах, это вы сына, Сашеньку, привезли! Проходите, проходите, пожалуйста. Он так ждал...

Женщина подхватила меня на руки и, целуя на ходу, понесла в квартиру. Тетя Лида шла сзади.

— Константин Алексеевич на работе? — спросила она у женщины.

— Да. Да. Он в плавании. Я сейчас позвоню.

Кто эта женщина? Почему она так тискает меня?

— Раздевайтесь, садитесь, — хлопотала женщина, опуская меня на диван. — Я сейчас позвоню Сереже, моему мужу.

Тетя Лида присела рядом, и я крепко ухватился за ее руку. Мне стало не по себе в этой чужой квартире, где я так ждал увидеть папу.

А женщина говорила по телефону. Кричала очень громко о том, что приехал Саша, что необходимо разыскать папу. Из этого разговора я понял только, что папы здесь нет и что ни тетя, ни ее муж не знают, где он.

— Сережа обещал скоро приехать, — сказала женщи-

на, закончив разговор и кладя трубку на место. — Он все разузнает и, может быть, свяжется с Константином Алексеевичем по радио.

ГДЕ ПАПА?

Папа ушел в плавание! Не хотелось даже кушать, хотя тетя Аня поставила на стол разные вкусные вещи и все время угощала нас.

Приехал дядя Сережа. Он совсем не походил на моряка. Правда, на нем была белая фуражка с морским значком, но не было ни кортика, ни погон.

— Так вот ты какой, Сашка! — заговорил он громовым голосом, поднимая меня чуть не под потолок. — Молодец, совсем молодец, на батьку похож!

Потом он поздоровался с тетей Лидой и начал рассказывать, как он разговаривал с папой по радио.

— Их в Средиземном море штормом потрепало, с трудом тянут до порта. Их там на док поднимут, — гремел дядя Сережа на всю квартиру.

Все, что он говорил, было так непонятно, что я только хлопал глазами. Мне показалось, что и тетя Лида ничего не понимает.

— Я бы вас оставил у нас погостить, — продолжал дядя Сережа, — да Костя, сумасшедший, просит, чтобы вы сегодня же самолетом отправились в Краснодар, а оттуда, не задерживаясь, поездом или автобусом в порт. Там автобус ходит.

— Как же это? — растерянно спросила тетя Лида.

— Я звонил на аэродром, — сказал дядя Сережа, — через полтора часа идет самолет. Машина у меня внизу. Доставлю вас на аэродром и посажу в самолет. Вы не очень устали?

— Устать-то не устали... — начала тетя Лида.

— Вы знаете, Лидия Михайловна, как он Сашку ждет? — вступила в разговор тетя Аня. — Да оно и понятно: сына разыскал. Уж вы отвезите, голубушка, потрудитесь еще. Я бы с удовольствием сама отвезла...

— Нет, я, конечно, отвезу, — сказала наконец тетя Лида.

ОТСЮДА УЛЕТАЮТ САМОЛЕТЫ

Автомобиль быстро мчал нас по знакомой улице, обсаженной по бокам каштанами. Потом он повернул налево, потом еще направо, пока мы наконец не выехали за город. По ровной асфальтированной дороге автомобиль помчался еще быстрее.

Вышли мы из машины около большого белого здания. Я сразу заметил, что на крыше здания поднимается несколько мачт. Между мачтами натянуты проволоки, на проволоках висят какие-то обручи. Но больше всего меня удивил полосатый колпак, висевший на одной из мачт.

— Что это?

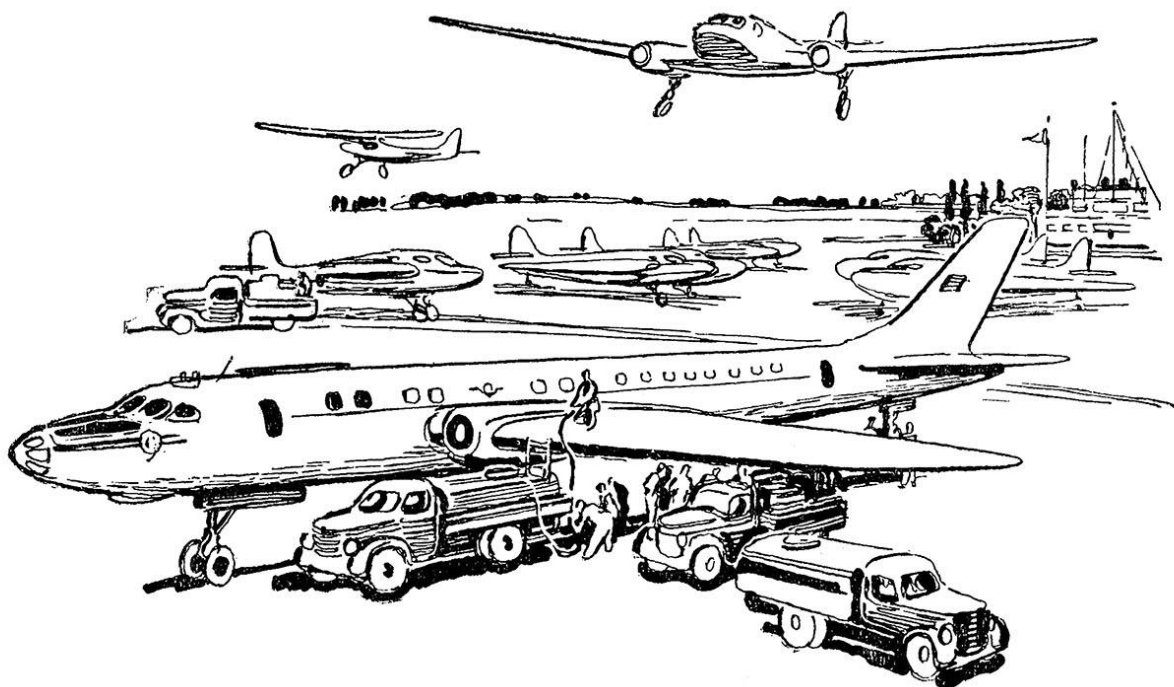
— Аэропорт, — ответил дядя Сережа. — Это вокзал, а там, за ним, поле, с которого поднимаются самолеты и на которое они садятся...

— Нет, а колпак зачем?

— Ах, колпак... — улыбнулся дядя Сережа. — Это флюгер, он поворачивается и показывает, откуда ветер дует.

— А проволоки?

— Это радиоантенны. Аэропорт может разговаривать по радио с любым самолетом. Летит самолет откуда-нибудь

из Киева, а из Одессы ему сообщают, какая погода на пути, где грозовая туча проходит и как ее лучше обогнуть.

Я только было произнес еще одно «а», чтобы с него начать новый вопрос, как тетя Лида потянула меня за руку.

— Пойдемте, — сказала она дяде Сереже, — а то у него вопросов хватит до самого вечера.

И мы вошли в двери вокзала. Пока тетя Лида с дядей Сережей покупали билеты, я через окно смотрел на огромное зеленое поле и на самолеты. Одни самолеты отрывались и улетали в небо, другие, наоборот, спускались с неба на поле. Пробежав по земле, они останавливались недалеко от здания вокзала.

Я увидел самолет, покрашенный в зеленый цвет. Из него на машину выгружали какие-то ящики. Тут же недалеко стояли два серебристых самолета. Их заправляла бензином машина с баком вместо кузова.

Издали самолет немного походил на большого-пребольшого комара: туловище, крылья, из носа опущен хоботок, но с колесом на конце. Вот только у комара четыре лапки, а у самолета две, и на каждой колеса.

Я даже засмеялся, что такое придумал: ничего себе комар, из него уже на второй грузовик ящики выгружают!

НЕУЖЕЛИ Я ПОЛЕЧУ?

Вблизи самолет оказался еще больше, чем я думал. Чтобы пассажиры могли попасть в него, подвезли специальную лестницу на колесиках и приставили к дверям. Мы с тетей Лидой поднялись по ступенькам. В дверях я немного задержался, обернулся и помахал рукой дяде Сереже.

«Неужели я полечу?» — подумал я. И вдруг стало страшно, захотелось на землю, где стоял дядя Сережа. Но сзади по лестнице поднимались другие пассажиры, и тетя Лида потянула меня за руку:

— Проходи скорее!

Внутри самолета было просторно, как в большом вагоне. Вдоль стенок около окошек стояли мягкие кресла с высокими спинками. Мы с тетей Лидой сели на самое переднее кресло.

Прямо перед нами была дверь в помещение летчиков. Когда эта дверь открывалась, я видел там столько всяких колесиков, ручек, что не мог представить: неужели летчики помнят, какая рукоятка для чего? Я и за всю жизнь, наверное, не сумел бы этого запомнить.

Ближе всех, спиной к нам, сидел радист с трубками на ушах. Совсем впереди, у самого стекла, в креслах сидели два пилота. Один из них вдруг крикнул:

— От винтов!

Это летчик предупреждал, чтобы все механики, мотористы, если они находятся близко около пропеллера, отходили прочь.

— Есть от винтов! — ответил голос снаружи.

Это означало, что никого около пропеллеров нет, можно запускать моторы.

Что-то загудело сначала не очень громко, потом затрещало, и самолет мягко покатился по ровной широкой дороге, сделанной из больших каменных плит. Повернул в одну сторону, в другую. Остановился. Моторы заревели еще сильнее. Содрогнулась вся машина, рванулась вперед. Быстрее, быстрее, быстрее...

Я прижался к тете Лиде, но глаза не закрыл. Все время смотрел в окно. Я видел, как земля вдруг качнулась раз, другой, накренилась набок и стала удаляться от нас. Мотор заработал глуше.

— Вот мы и над землей, — сказала спокойно тетя Лида, — и ничего страшного нет. Правда, Саша?

Я еще не мог выговорить ни слова.

НАД ЗЕМЛЕЙ

Внизу под нами маленькие, будто спичечные коробки, дома. Узкие серые полосы — это дороги. На дорогах, совсем как игрушечные, автобусы и автомобили.

Вот вытянулся змейкой состав вагонов с паровозом во главе. Я узнал его сразу по белой косичке дыма, тянущейся сзади. А что там серое, гладкое?

— Это море, — сказала тетя Лида, — Черное море!

— Но оно совсем не черное, — удивился я.

— Оно только так называется — Черное.

— А это что? — спросил я, увидев внизу под нами такое же огромное море, но не серое, а золотистое.

— Это пшеница, колхозные поля, — ответила тетя Лида.

— Тоже как море! — закричал я.

— Море пшеницы, — улыбнулась тетя Лида, — целое море пшеницы!

Из кабины вышел летчик в синей форме. Он посмотрел на меня и заговорил:

— Как себя чувствуешь, пассажир? Не страшно?

— Теперь нет, — сознался я, — сперва немного...

— Молодец, что правду говоришь, — похвалил он.

Я осмелел немного и тут же спросил:

— Дядя летчик, почему так тихо летит ваш самолет?

— Разве тихо? — удивился летчик.

— Конечно. Когда едешь на поезде или на автобусе, так за окнами все только мелькает. А тут и не заметно, что летим.

— Вот оно что! — засмеялся летчик. — Ну, а сколько времени вы ехали от Москвы до Одессы?

— Два дня.

— Автобус тоже пройдет около двух дней. А вот мы на самолете за несколько часов долетим.

Я не понял, как это может быть, ведь самолет совсем медленно плывет по небу. Тогда летчик объяснил мне, что самолет движется быстро, но с большой высоты это не заметно.

— Значит, самолет обгонит и паровоз и автобус? — спросил я.

— Обгонит! — кивнул головой летчик. — Уже через час в Краснодаре будем.

ТЕТЯ, КОТОРАЯ ВСЕ ЗНАЕТ

Мы спустились на такое же поле, как в Одессе. Самолет бежал по широкой каменной дороге, постепенно замедляя ход. Вот он совсем остановился. Открылась дверь, и к ней подкатили лестницу.

Узнал я и здание аэропорта с антеннами, с полосатым колпаком на мачте.

Тетя Лида повела меня в зал, посадила на диван и поставила рядом чемодан:

— Посиди тут, а я подойду к справочному бюро, узнаю, как нам лучше добраться до порта.

Я остался. Тетя Лида подошла к маленькому окошку в

стеклянной перегородке, за которым сидела какая-то женщина. На вопрос тети Лиды она сразу ответила:

— Сегодня в семнадцать часов автобусом или завтра утром поездом в пять двадцать пять.

«Все знает!» — подумал я с удивлением.

Когда тетя Лида возвратилась, я поинтересовался:

— Эта тетенька все знает?

— Все — это слишком много для одного человека, — засмеялась тетя Лида. — Справочное бюро дает справки о поездах, автобусах, самолетах. Можно узнать адрес или телефон, если тебе куда-нибудь позвонить надо.

Мы вышли из аэропорта и тут же на площади сели в автобус.

— Вы нас прямо в порт отвезете? — спросил я у шофера.

— Нет, — улыбнулся тот, — я вас только до автобусной станции доведу, а оттуда автобус дальнего следования идет в порт.

Снова мы ехали по асфальтированной дороге мимо огромных полей пшеницы, мимо домиков, мимо кудрявых садов. Потом начался город. На одной из улиц росли деревья с большими ярко-зелеными листьями — как в Киеве.

— Каштаны! — узнал я деревья.

АВТОБУС ДАЛЬНЕГО СЛЕДОВАНИЯ

Как же это плохо — ждать чего-нибудь! Вот мы тут расслаживаем под навесом на автобусной станции, а папа может в это время опять куда-нибудь уехать.

Тетя Лида в десятый раз сказала мне, что я ей надоел до смерти, что я им с тетей мешаю разговаривать.

А с этой тетей, которая тоже собирается ехать на автобусе, они уже разговаривают, наверное, целый час. Как только им не надоест?

Я облазил под навесом все скамейки, пересмотрел все бумажки и все картинки на стенах. Какая-то рыжая собачка заглянула под навес. Я побежал к ней и стал подзывать.

— Саша, перестань! Не трогай собаку! — сейчас же послышался строгий голос тети Лиды.

Собака сразу поджала хвост и побежала прочь. Ох, как плохо одному! Были бы здесь Вова и Оля! Вот бы поиграли!

Но вот наконец мы в автобусе. Сразу стало лучше, как

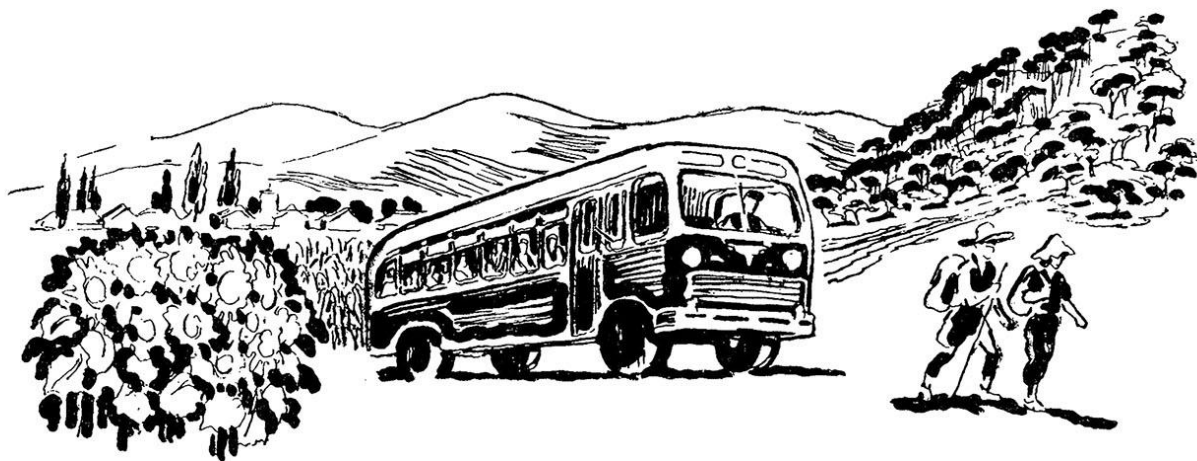
только за окнами замелькали дома, столбы, деревья. Переехали по мосту быструю и мутную реку Кубань. Город Краснодар остался позади. Автобус побежал еще веселее.

Ехали мы сначала по ровной степи. Потом стали слева появляться пригорки. Чем дальше мы ехали, тем пригорков становилось больше. Скоро в стороне от дороги была уже цепь холмов. А на холмах и внизу, у подножия, торчали металлические вышки.

— Что это такое? — спросил я.

— Здесь из-под земли добывают нефть, — ответила тетя Лида. — Из нефти делают бензин для автомобилей и самолетов, масло для смазки машин.

Автобус спешил вперед. С шумом проносились мимо встречные автобусы, легковые и грузовые машины. Слева все так же поднимались холмы с нефтяными вышками. Справа к самой дороге подступала стена густой пшеницы. Дальше, словно солдаты, выстроились высокие подсолнечники. Поля широкие, и растут на них пшеница, кукуруза, подсолнечники. Много всего растет.

КАВКАЗСКИЕ ГОРЫ

Мы остановились в станице, которая называется Абинская. Станица большая. Вдоль улицы стоят белые домики, а кругом зеленеют сады.

В садах яблони, вишни, сливы. На яблонях много яблок. Деревья не выдерживают их тяжести, и, чтобы ветки не обломились, под них подставлены подпорки. Мне так захотелось побежать в сад и сорвать хоть одно яблоко! Но тетя Лида сказала, что яблоки еще зеленые, и купила мне вишен.

Шофер подал сигнал. Пассажиры заняли свои места, и автобус снова побежал вперед. Теперь уже холмы тянулись по обе стороны. Чем дальше мы ехали, тем ближе и ближе подступали холмы к дороге, и все выше и выше они становились.

И вот перед нами выросла высокая гора. Автобус стал забираться на нее. На крутых поворотах меня бросало и прижимало то к стенке, то к тете Лиде, сидевшей рядом. Того и гляди врежется автобус в гору или полетит вниз. Как, должно быть, страшно шоферу!

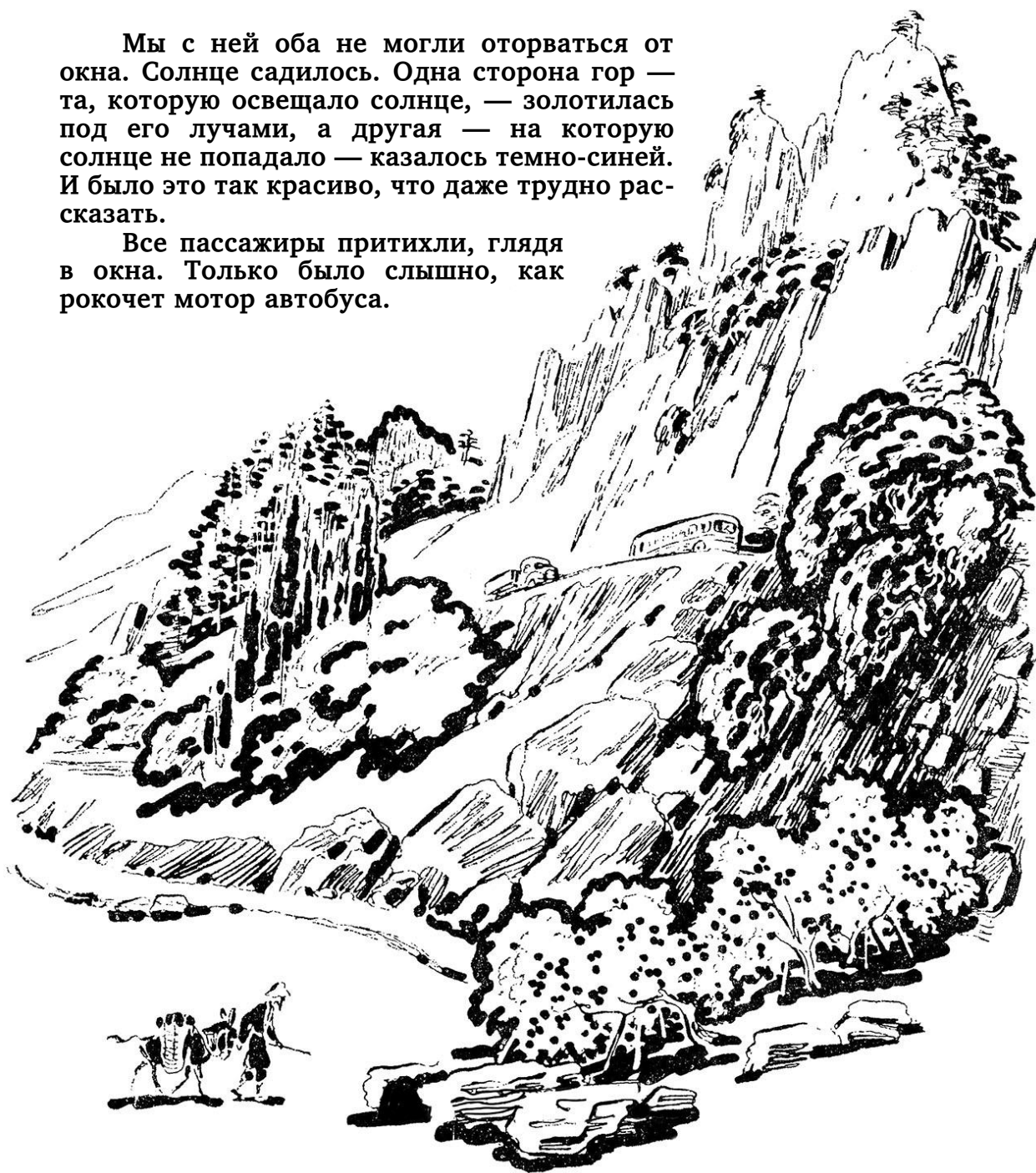
Но шофер как ни в чем не бывало вел автобус вперед да еще насвистывал какую-то песенку. От его веселого свиста и у меня страх прошел. Я смотрел по сторонам, вперед, наблюдал, как автобус забирался на самый верх горы.

С вершины было видно далеко. Кругом поднимались горы, а над ними голубело чистое-чистое небо.

— Кавказские горы, — почему-то шепотом сказала тетя Лида.

Мы с ней оба не могли оторваться от окна. Солнце садилось. Одна сторона гор — та, которую освещало солнце, — золотилась под его лучами, а другая — на которую солнце не попадало — казалось темно-синей. И было это так красиво, что даже трудно рассказать.

Все пассажиры притихли, глядя в окно. Только было слышно, как рокочет мотор автобуса.

КУДА Я ПОПАЛ?

Я проснулся и долго не мог ничего понять. Где я? Наверное, заснул я еще в автобусе, потому что не мог вспомнить, как попал в эту высокую светлую комнату, на мягкую кровать. Рядом, на другой кровати, спала тетя Лида. Как только я зашевелился, она открыла глаза и посмотрела на меня.

— Где мы?

— В гостинице, — ответила тетя Лида. — Ты меня так вчера напугал, Саша! Сидел, сидел в автобусе у окна и вдруг сразу заснул. Тебя перекладывали, везли, несли, а ты и не шелохнулся. Я думала, не заболел ли? Хорошо, здесь доктор рядом в номере живет. Посмотрел: «Устал, — говорит, — вот и спит богатырским сном».

Тетя Лида весело засмеялась. Засмеялся и я. Но мне тут же захотелось узнать, где папа. Почему он не встретил нас вчера? Но оказалось, что и тетя Лида ничего не знает.

— Сейчас позавтракаем, и я пойду наведу справки, а ты посидишь и подождешь меня в номере, — сказала она.

— Тетя Лида, и я с вами...

— Нет, Саша, я одна скорее все сделаю. — И, видя, что я вот-вот расплачусь, напонила: — Ты же обещал слушаться с одного словечка. Я быстренько все сделаю и вернусь.

Попили чаю, и тетя Лида ушла. Я остался один. Некоторое время я сидел за столом и раскрашивал картинки в альбоме, который подарил мне Вова. Вдруг слышу, где-то играет музыка. Я выглянул в окно. По улице шли машины с людьми. На одной машине играли на баяне, на другой девушки пели песню. Там и тут колыхались флаги.

И мне захотелось туда, вниз, на улицу.

Я САМ!

Как ни старался я усидеть за столом, меня тянуло к окну. А там, за окном, творилось такое, что усидеть дома было невозможно. Эх, если бы не слово, которое я дал тете Лиде!

Вот по тротуару пробежали ребята. Они размахивали руками и разговаривали о чем-то страшно интересном.

Проходили взрослые. И они громко говорили и смеялись. По противоположной стороне шли моряки в белых формах. Длинные черные ленточки бескозырок развевались при ходьбе. Навстречу им шли другие моряки. Они поравнялись, приложили руки к бескозыркам.

«Значит, знают друг друга», — подумал я.

И тут мне вдруг стало ясно, как можно скоро и просто разыскать папу. Стоит только спуститься вниз, спросить у моряков, и они скажут, где папа, и отведут к нему. Они-то уж, конечно, знают папу. А тетя Лида, наверное, пойдет в справочное бюро, будет наводить справки у какой-нибудь тетеньки, как тогда в аэропорту. Но откуда же тетенька может знать, где папа?

Но если я уйду, тетя Лида обязательно рассердится. Подумав немного, я решил выйти на улицу только на минутку, спросить и сейчас же вернуться обратно. Тетя Лида ничего не узнает, но зато будет очень рада, когда я ей сам скажу, где папа.

Я выбежал за дверь. Прошел по коридору, спустился с лестницы. Оставалось пробежать че-

рез прихожую к двери. Но около самых дверей сидел дядя с бородой. Что, если он спросит, куда я иду? А потом возьмет да и не пропустит. На мое счастье, бородач отошел. Одна секунда — и я на улице.

Как здесь было хорошо! Я сначала даже забыл, зачем спустился. Забыл и пропустил несколько моряков. А когда вспомнил, то не увидел тех, кого искал. Прошел какой-то офицер с кортиком, но у него был такой строгий вид, что я побоялся спросить.

Недалеко от того места, где я стоял, был бульвар. Там по аллеям проходили моряки. Я быстро перебежал через улицу и очутился на песчаной дорожке. Кругом были яркие цветы и зеленели кусты, каких я нигде до сих пор не видел.

ПЕРВАЯ НЕУДАЧА

Моряки шагали по бульвару. На них форма была белая как снег, в начищенных блестящих пряжках ремней отражалось солнце. Я бросился им навстречу.

— Вы не знаете моего папу? — остановил я моряков.

— А кто твой папа? — спросил с улыбкой один из них.

— Моряк.

— Ну, если его дома нет, тогда, наверное, он на корабле, — сказал другой.

— Конечно, на корабле, — кивнул головой третий. — Сегодня ведь наш морской праздник.

Они засмеялись и пошли дальше. Как же так получилось? Наверное, я неправильно спрашивал. Надо было фамилию папину сказать, имя и отчество. Навстречу шел как раз подходящий моряк. Хотя на нем была офицерская форма, на вид он был совсем не строгим.

— Вы не знаете Лопатина Константина Алексеевича? — спросил я, подбегая к офицеру.

— А кто он такой? — наклонился ко мне моряк.

— Мой папа. Он тоже моряк!

— К сожалению, не знаком, молодой человек, — пожал плечами офицер, — но с удовольствием познакомлюсь с его сыном. Тебя как зовут?

— Сашей.

— А я лейтенант Соколов. — И с этими словами он протянул мне руку.

Потом похлопал по плечу и пошел дальше. Я совсем растерялся. И он не знает папу! Разыскать его, оказывается, не так-то просто. Я уже подумал, что лучше вернуться домой и ожидать тетю Лиду, но в это время ко мне подошел мальчишка. Он был такого же роста, как я, но загорелый, как негр.

— Ты что, заблудился, от отца отстал, что ли? — спросил он.

— Почему заблудился?

— Так ты же нездешний.

— А ты откуда знаешь? — удивился я.

— Не видно, что ли! — сказал мальчишка, важно засовывая руки в карманы и еще раз оглядывая меня с ног до головы. — Беленький...

— Ну и что же, тебе-то что? — спросил я.

Но он не обратил внимания на то, что я обиделся, и продолжал:

— Я слышал, ты про отца спрашивал. Ты меня не бойся, говори, я мигом домой доставлю. Я тут все улицы и закоулки знаю...

— А тебя как зовут? — спросил я.

— Колькой.

ЭТО НЕ ТАК ПРОСТО

Я все рассказал Кольке: зачем я здесь, в этом городе, зачем при-

шел на бульвар. Колька внимательно слушал меня. А когда я кончил, он задумался.

— Да, — протянул он со вздохом, — это не так легко — найти твоего отца.

— Почему не легко? Фамилию же я знаю...

— Фамилия что! — заметил Колька. — Надо знать, в каком он флоте: в военном, рыболовном, а может быть, в торговом...

— Почему в торговом? — обиделся я за отца. — Конечно, в военном!

— Если в военном, тогда надо к военному причалу ехать, — рассуждал вслух Колька. — Но опять же не известно, кто он: пограничник или подводник, а может быть, на тральщиках...

— Этого я не знаю, — честно сознался я, не понимая даже слов, которые произносил Колька.

— А если мы в порт поедem, то наверняка на праздник опоздаем, — продолжал он.

Я стоял, опустив голову, понимая, что Колька лучше разбирается в морских делах. А он посмотрел на меня и предложил:

— Самое правильное — пойти на праздник! Он, твой отец, наверняка там будет.

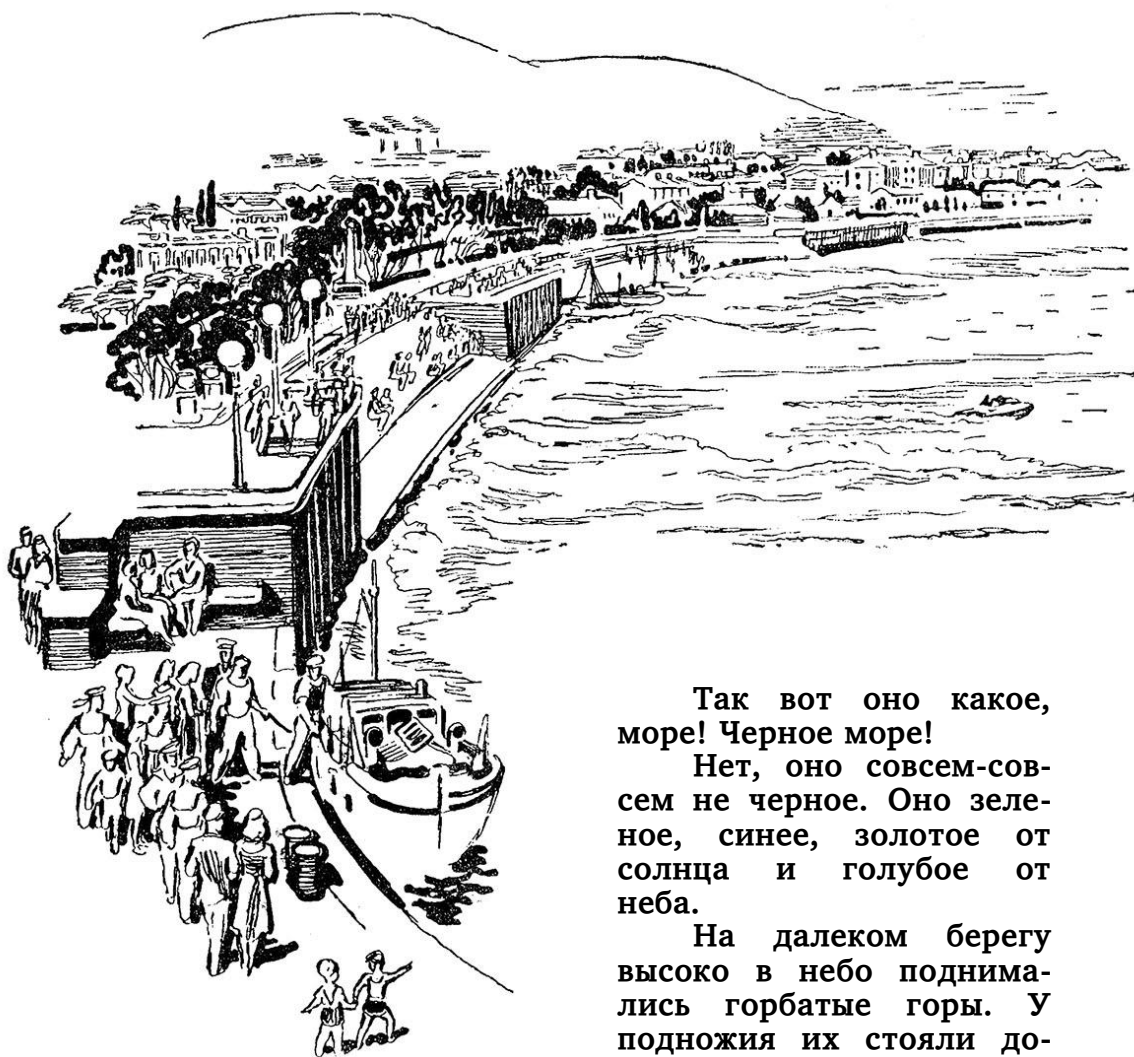
И, положив мне руку на плечо, Колька зашагал по бульвару. Я двинулся вместе с ним. Я еще подумал, что лучше бы вернуться домой, что тетя Лида будет меня искать. Но Колька шел вперед, и я шел за ним.

ВОТ ОНО КАКОЕ!

Мы завернули за угол большого белого дома, и тут я замер.

— Ну чего встал, пошли! — потянул меня за руку Колька.

Но у меня перехватило дыхание, и я не мог сделать и шага.

Так вот оно какое, море! Черное море!

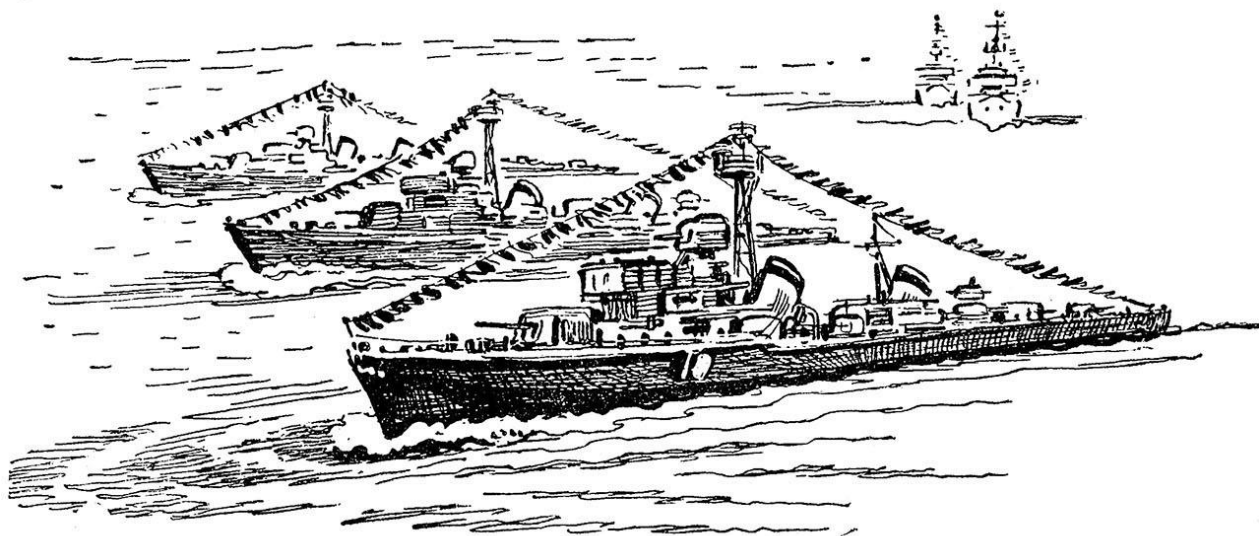
Нет, оно совсем-совсем не черное. Оно зеленое, синее, золотое от солнца и голубое от неба.

На далеком берегу высоко в небо поднимались горбатые горы. У подножия их стояли дома. Какие они были кро-

хотные! Только по черным точкам окон можно было догадаться, что дома многоэтажные. Четыре заводские трубы казались отсюда тонкими, как папироски. Они поднимали вверх легкие клубы желтоватого дыма, но и дым не доставал до вершины горы.

А внизу лежало море. И чем мы ближе подходили к нему, тем шире оно раскрывалось перед нами. То, что я видел сначала, было еще не само Черное море. Это был всего-навсего залив. На берегах бухты и расположился город с домами и заводами, которые я видел на противоположной стороне.

А там, где залив сливался с морем, морскому простору не было видно ни конца, ни края.

— Гляди, эскадра из порта выходит! — толкнул меня в бок Колька.

Я посмотрел и увидел корабли. Серые, огромные, с высокими мачтами, они медленно шли из порта. На мачтах трепыхались разноцветные флажки. Корабли один за другим выходили через проход между двумя стенами. А стены эти поднимались прямо из воды.

— Что это за стенки? — спросил я у Кольки.

— Мол, — ответил тот. — Не знаешь?

— Не знаю, — сознался я.

— Порт отгорожен от моря каменной стеной. Называется она молот, — объяснил Колька. — Какая буря ни поднимись в море, а в порту корабли будут спокойненько стоять. Все волны расшибутся об эту толстую стенку. Понятно?

— Понятно.

Корабли вышли из-за мола и, ускоряя ход, направились к нашему берегу. Вспенивались волны за кормой, развевались флажки под ветром.

Прокатилось по берегу громкое «ура». Оно отдалось над морем, в далеких горах. Я только теперь заметил, что на берегу, где стояли мы с Колькой, собралось много народу.

Из репродуктора раздалось:

«Да здравствует День Военно-Морского Флота!»

МОРСКОЙ ПРАЗДНИК

Боевые корабли выстроились друг за другом вдали от берега. Музыка лилась из сильных корабельных репродукторов, а мне казалось, что это поет само Черное море. Поет потому, что вместе с нами радуется солнечному теплему утру, легкому ветру и свежему воздуху.

Замолкла музыка, и громкий голос из репродуктора объявил:

— Смотрите массовый заплыв. В нем участвует пятьсот моряков Черноморского флота!

И в ту же секунду с бортов кораблей посыпались в море загорелые пловцы. Они складывали руки и бросались вниз головой. В воде моряки выстраивались по четыре в ряд. Скоро впереди длинной колонны, направлявшейся к берегу, развевалось большое красное знамя.

— Далеко плыть-то, — вслух подумал я.

— Это разве далеко! — кинул Колька. — Всего километра два...

— Мало, что ли?

— Совсем немного, — заспорил Колька. — Да ты знаешь, моряки запросто могут в этом месте бухту переплыть!

И он показал рукой в направлении дымивших заводских труб.

— А тут сколько? — поинтересовался я.

— Восемнадцать километров.

Но я не успел как следует поудивляться, так как увидел еще более удивительные вещи. Из моря вверх ударил высокий фонтан. Потом недалеко от берега, прямо со дна морского, стали выходить водолазы. Они рядами приближались к берегу.

— Здорово? — спросил меня Колька.

— Очень! — закричал я.

— Вот у нас как — на Черном море!

Колька гордился своим морем, своим городом, кораблями, моряками. Но ведь и мой папа — черноморский моряк! Буду и я когда-нибудь моряком-черноморцем!

МЫ ИДЕМ НА ПОИСКИ

Прошло много времени. Об этом я догадался по тому, что сильно проголодался. И тут я вспомнил о тете Лиде, вспомнил, что ушел без спроса...

— Ты что? — заметил Колька мое печальное лицо.

— Мне домой надо, — протянул я, едва сдерживая слезы.

— Ну и иди! — бросил он. — Мы же не за зря сюда пришли, а твоего отца искать.

«Разве можно здесь, в этой огромной толпе, кого-нибудь разыскать?» — с грустью подумал я. Но Колька не унывал:

— Давай протиснемся к тому бронекатеру. — И сам первый пошел к мостику, уходившему в море. Я пошел за ним.

— Эй, ребятки, куда вы? — окликнул нас кто-то.

Но Колька вобрал голову в плечи и побежал вперед. Я кинулся за ним.

У самого бронекатера, качавшегося на волне, нас поймал матрос в белой форме.

— Куда спешите, молодые люди? На поезд опаздываете? — спросил он шутливо.

— Вот он отца ищет, — начал Колька вместо меня. — Мы, дяденька...

— Отца, значит, потерял? — спросил у меня матрос.

Но я опять ничего не ответил. Где тут найдешь отца, когда кругом пестро от людей! Хоть бы тетю Лиду разыскать! Пусть ругается, но вернуться бы к ней...

Колька тем временем что-то говорил матросу. Когда тот предложил проводить нас на берег, Колька начал жалобно просить:

— Послушайте, дяденька, дайте хоть одним глазком на катер посмотреть. Что мы, зря сюда шли, что ли? Праздник ведь...

— Так вы же отца разыскиваете? — засмеялся матрос. — Вот хитрецы!

— Отец отцом, а посмотреть тоже охота, — говорил Колька.

Подошел моряк в белой фуражке с большим козырьком.

— Товарищ мичман, — обратился к нему матрос, — вот пацаны катером интересуются.

— Ради праздника надо показать, — ответил тот.

НА БОЕВОМ КАТЕРЕ

И я опять забыл и про тетю Лиду и про все на свете.

Ведь не каждому удастся побывать на взаправдашнем боевом катере! Все кругом так интересно, только успевай смотри.

В носовой части — пушка. Правда, она закрыта брезентовым чехлом, но ведь все равно это настоящая пушка!

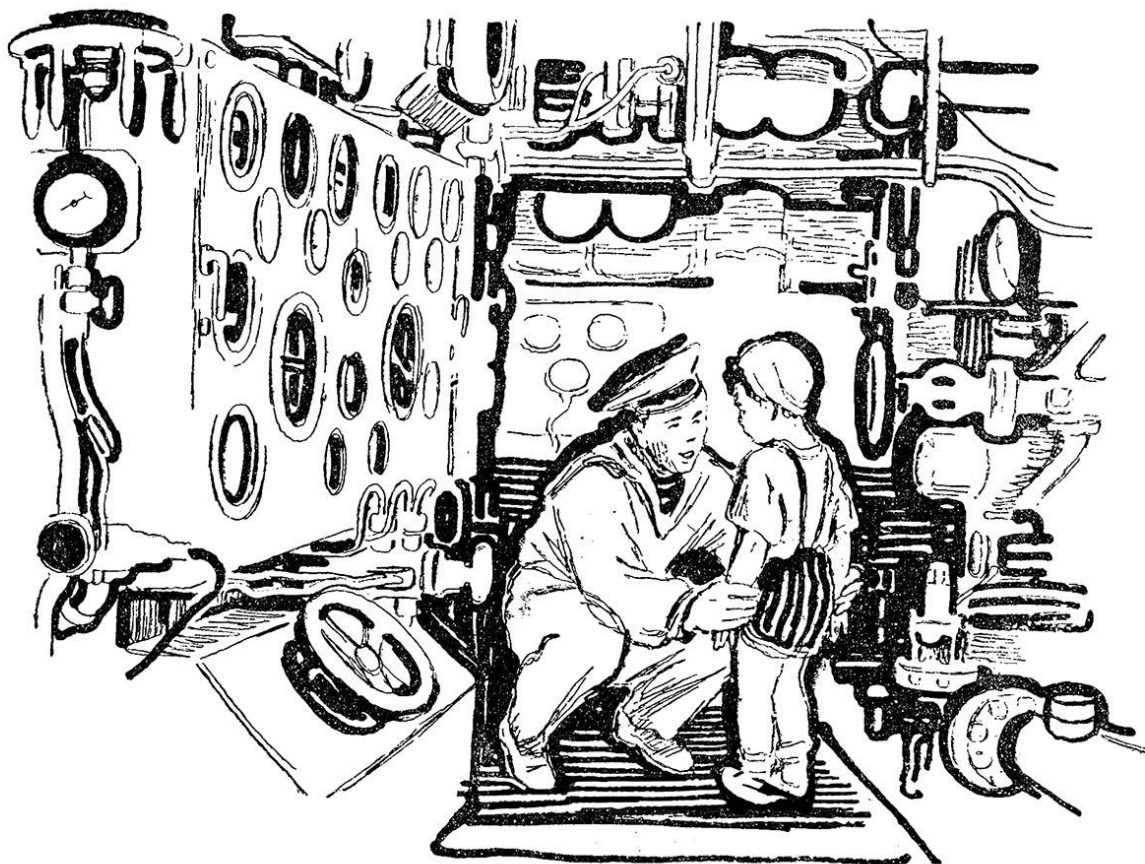
— Пополнение! — встречали нас шутками моряки.

— Салажата!

— Давай гостей сюда, в трюм! — крикнул какой-то моряк, выглядывая из-за небольшой стальной дверцы.

Сначала мне было страшновато. После яркого солнца в трюме показалось темно, хотя и горели электрические лампочки. Присмотревшись, я увидел совсем незнакомую мне машину и всякие трубочки, дверцы, рукоятки и ручки.

— Сердце катера — двигатель, — кивнул головой моряк на машину. — При помощи его по морю бегаем.

Я повернулся, чтобы получше рассмотреть двигатель, и обо что-то больно ударился.

— Тесновато здесь, это правда, — заметил моряк, — но зато тепло.

В трюме было, пожалуй, слишком тепло. Рубашка моя быстро становилась мокрой.

— Ты что, сильно зашибся? — наклонился ко мне моряк.

— Нет, — тихо ответил я.

— А чего же такой невеселый?

Я бы с удовольствием рассказал ему все, но опять помешали слезы, и я промолчал.

— Э-э, да ты, я вижу, совсем отсырел, — наклонился еще ниже ко мне моторист. — А ну, выкладывай, что у тебя.

Я, сбиваясь, сквозь слезы рассказал, как убежал из дома, не дождавшись тети Лиды, как попал сюда, как мы искали отца. Тогда моторист приложил губы к какой-то трубочке и позвал:

— Назаренко, Назаренко!

— Назаренко слушает, — ответил голос.

— Постучи-ка «Чайке», — сказал моторист. — Мальчонка-то заблудился, оказывается.

КАТЕР УХОДИТ ОТ БЕРЕГА

Я остался на катере. А Кольку, как мы ни упрашивали, отправили на берег. Меня усадили около радиста, который вел разговор обо мне с «Чайкой».

«Чайка» — это условный позывной сигнал радиостанции корабля. Так мне потом объяснил радист. А пока он разговаривал, я сидел рядом с ним тихо, и было мне очень грустно. Мне казалось, что я не только не найду папу, но и тетю Лиду не увижу больше никогда.

— А ты не расстраивайся, паренек! — утешали меня все кругом. — Мы тебя прямо в собственные руки тете Лиде сдадим. Потерпи немного. А может быть, и отца разыщем.

— Ты, наверное, голодный? — спросил мичман.

— Ага, — сознался я, мотнув головой.

— А чего же молчишь? — зашумел матрос, который первым встретил нас у катера. — Сейчас я тебя мигом накормлю. Печенья хочешь?

— Что ж ты, парнишка по-настоящему проголодался, а ты ему печенье суешь, — заворчал моторист. — Он, может,

с самого утра ничего не ел. Его по всем правилам кормить требуется.

— Потерпишь еще немного? — спросил мичман.

— Потерплю.

— Мы сейчас на эсминце потопаем, а там, брат, получишь полный флотский обед.

Действительно, через несколько минут катер отошел от мостика и помчался к кораблям, стоявшим цепочкой в бухте. Острый нос катера резал морские волны, а позади себя оставлял белую водяную дорожку. Она была сначала неширокая за кормой, а дальше расходилась все шире и шире.

КАПИТАН ВТОРОГО РАНГА

Мы подошли к эсминцу. По трапу поднялись на палубу корабля. Мичман вел меня по узким железным лестницам, по коридорам. Наконец постучал в дверь. Из-за двери послышалось:

— Войдите!

Мы вошли в небольшую комнату, или в каюту, как называют комнаты на кораблях. За столом сидел пожилой офицер. Он встал, как только мы вошли, а мичман вытянулся и четко отрапортовал:

— Товарищ капитан второго ранга! Вот этот мальчонка заблудился на празднике. Говорит, что его отец служит у нас на кораблях, а приехал он в город с тетей Лидой, с Лидией Михайловной.

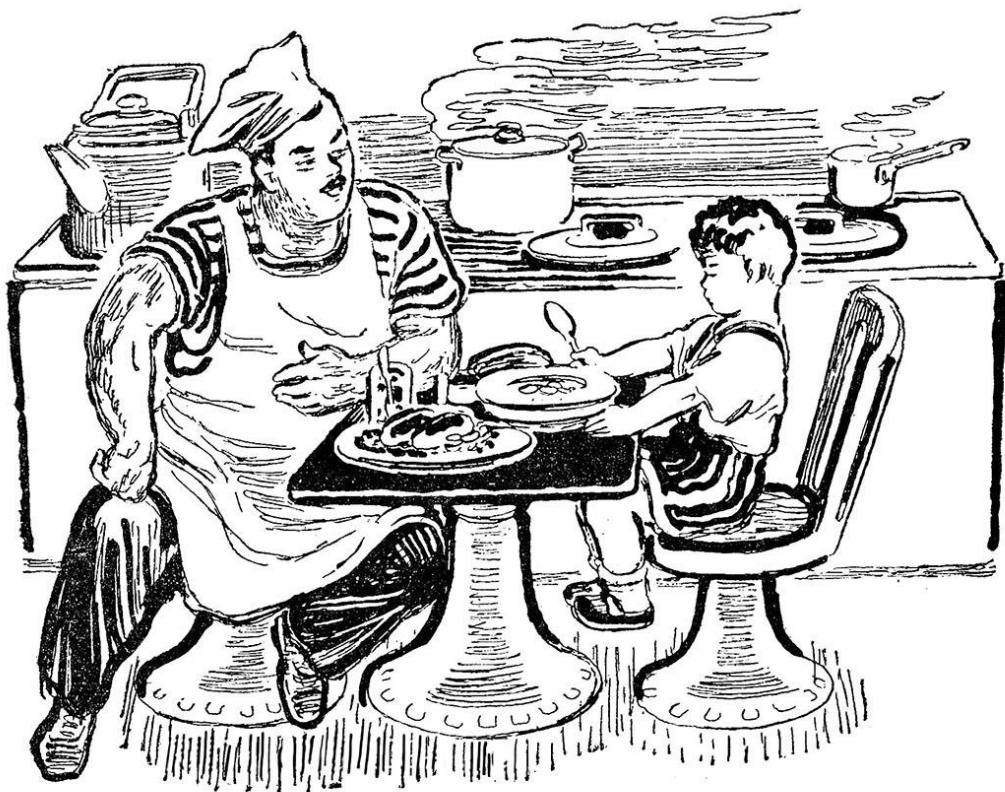
Я стоял перед капитаном, опустив голову, и даже боялся громко вздохнуть. Все здесь было такое строгое, сердитое: и необыкновенный блестящий стол, на который опирался руками капитан, и стулья, и книги на столе.

— Прежде всего, как я понимаю, тебя надо покормить, — сказал капитан, посмотрев на меня добрыми серыми глазами. И мне сразу стало нестрашно.

— Так точно, товарищ капитан второго ранга, — подтвердил мичман, — мальчонка голодный, сам есть просил.

Мы снова шли по коридорам, поднимались и спускались по лестницам.

— Ты, Саша, самое главное, не робей, — уговаривал меня по дороге мичман, — марку морскую держи. Сейчас я тебя коку сдам.

Кому это меня еще собираются отдать?

— А кто это?

— Не знаешь, кто такой кок?

— Нет.

— Это, брат, самое важное лицо на корабле, — улыбаясь, объяснил мичман. — У нас на флоте повар так называется — кок.

ФЛОТСКИЙ ОБЕД

Если бы я съел все, что мне дали, то, наверное, лопнул бы тут же на месте. Правда, тарелку борща по-флотски я съел дочиста.

— Молодец, Сашка, — похлопал меня по плечу кок, — тарелку переплыл. Может, добавить?

В ответ я только покачал головой и тяжело вздохнул. Тогда мне положили котлету с гречневой кашей. С ней я уже не сумел справиться. Мне поставили стакан душистого компоту и положили рядом поджаристую белую булочку.

— В моряки не годишься, — категорически заявил кок, — ешь плохо.

Я поднатужился и допил компот.

— Это еще так-сяк, — сказал кок и повел меня по лестницам и коридорам назад, в каюту капитана.

— Поел? — спросил тот, как только мы вошли.

— Так точно, — доложил кок, — не так много, но поел.

— Я больше не могу, — оправдывался я, боясь, как бы меня снова не стали кормить.

— Флотский обед ему, конечно, еще великоват, — согласился кок, — а мальчонка ничего, хороший.

Кок вышел, и я остался с капитаном один. Он прошелся по каюте, остановился и проговорил:

— Так вот, Саша, мы связались с нашими кораблями по радио. Твой отец — Константин Алексеевич Лопатин — нигде у нас не числится. Он, наверное, служит в торговом или рыболовном флоте. А тетю Лиду, я думаю, мы сейчас разыщем. Дали радиogramму на берег.

Он подвел меня к небольшому круглому окошку, которое назвал иллюминатором, и спросил:

— Слышишь?

Сначала я ничего не расслышал, но потом ясно различил громкий голос из репродуктора:

«Гражданку Лидию Михайловну, потерявшую мальчика Сашу, просят зайти за ним в комендатуру».

Повторив это несколько раз, голос замолк, а из репродуктора послышались звуки музыки.

НА БЕРЕГ!

Я снова очутился на том же самом катере, с которого попал на эсминец. Мы с мичманом стояли на самом носу, и он крепко держал меня за руку. Катер несся быстро, ударяя носом по волнам и обдавая нас брызгами.

Все ближе и ближе мост, по которому мы с Колькой прибежали на катер. В толпе на берегу уже можно различить лица. Кто это бежит по мосту?

— Тетя Лида! Тетя Лида! — закричал я.

Катер медленно подчаливал к мосту, а мне хотелось скорее прижаться к тете Лиде. Хорошо, что мичман крепко держал меня за руку, а то бы я обязательно упал за борт.

Когда я наконец очутился на руках у тети Лиды, она целовала меня и не говорила ни слова.

— Простите меня, простите меня, тетя Лида, простите! — шептал я на ухо, хотя она меня не ругала.

Только когда прошла первая радость, несколько минут спустя, я заметил моряка — в черной форме и в морской фуражке. Он стоял позади тети Лиды и смотрел на меня пристально и как-то совсем особенно.

И вдруг я понял, кто этот человек, молча стоявший позади тети Лиды. Я протянул к нему руки и хотел закричать громко-громко. Но звука почему-то не получилось, и я тихо сказал:

— Па-па!

ЧТО БЫЛО С ПАПОЙ

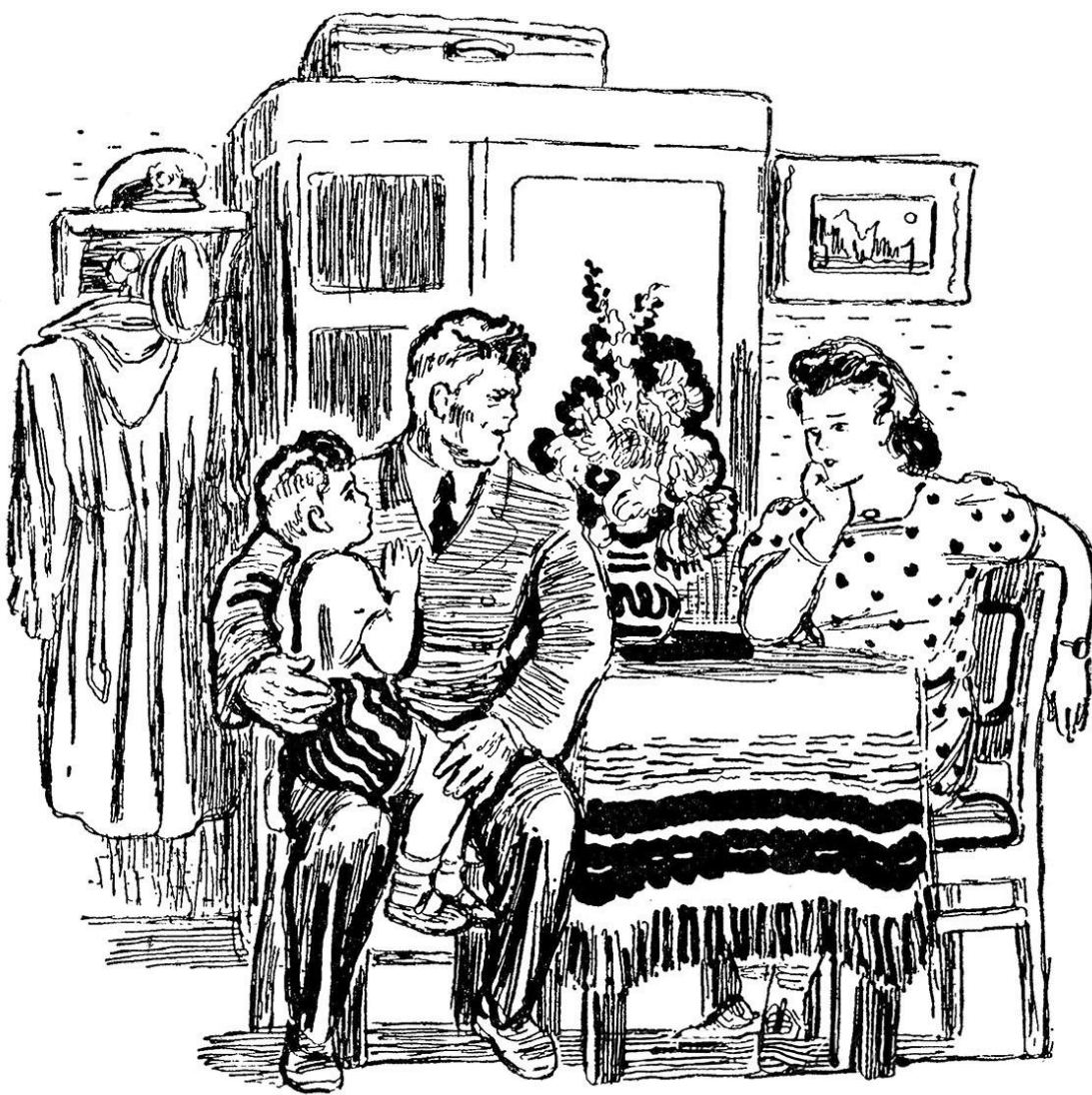
Мы все трое сидели в номере гостиницы, и папа рассказывал о том, как они ходили на своем корабле в дальнее плавание. Слушая папу, я понял, почему мы не нашли его в Одессе, почему он не встретил нас вчера.

Корабль отвез груз в далекое море, в далекую страну. Разгрузился там и пошел в обратный путь. Все шло хорошо, но потом налетел сильный ветер, поднялись волны, — начался шторм. Стало корабль бросать из стороны в сторону, трепать, словно щепку.

Но моряки держатся твердо. Стоят на своих местах, не дают одолеть себя буре. Ведут корабль к родным берегам. Папа — механик на этом корабле. Вместе с другими моряками — машинистами, мотористами — стоит он около машин и смотрит, чтобы ни на минуту не смолкло сердце корабля — двигатель, чтобы шел корабль вперед, все время вперед.

Бьются волны о стальные бока корабля, грозятся раздавить, разломать его. Но советский корабль сделан крепко, надежно — не раздавишь, не разломаешь. А ветер упрямый, не отступает, разгоняет волны и бросает их на корабль. Удалось волнам повредить руль. А без руля судно не может идти куда надо. Будет его бросать злой ветер куда захочет.

Справились моряки с одной бедой — отремонтировали руль, а тут новая беда. Одна очень важная деталь в двигателе изломалась, а запасной такой нет. Корабль снижает ход, еле-еле идет по морю.

На третий день затихла буря. Папа со своими товарищами подремонтировал двигатель, и пошли в родное Черное море.

А здесь с берега прислали по радио телеграмму — идти прямым ходом в порт на судоремонтный завод. На заводе все поломки на корабле исправят.

Я сидел у папы на коленях и слушал его рассказ, не пропуская ни одного слова. Он иногда проводил по моим волосам своей большой ладонью, и мне было очень хорошо.

От папиного кителя чуть-чуть пахло машинным маслом, горьковатым табаком и еще немного соленой морской водой. Пусть папа — моряк торгового флота, это совсем не плохо. Он настоящий моряк! А я — сын настоящего моряка!..

Как хорошо сидеть у папы на коленях! У папы, у которого сильные руки. Сильные, теплые и ласковые.

КАК МНЕ БЫТЬ?

Пришел вечер. Папа стал собираться на корабль. А как мне быть? С папой не хочется расставаться и от тети Лиды не могу отойти.

— Спасибо вам, Лидия Михайловна, за сынишку, — сказал папа, крепко пожимая ее руку.

— Что вы, что вы! — ответила тетя Лида, чуть-чуть покраснев. — Не надо меня благодарить, не за что...

— Как не за что? — удивился папа. — Вырастили мальчишку, воспитали, сколько забот вложили!..

— Ну что же, это наша работа такая.

— Знаю, — закивал головой папа, — да не каждый свою работу с таким добрым сердцем делает, как вы. Только за один день, сегодня, сколько пережили, переволновались...

— Ты больше никогда не будешь так делать? — наклонилась ко мне тетя Лида. — А то мы с папой, действительно, сегодня чего только не передумали.

— Не буду, — буркнул я, а сам смотрел то на нее, то на папу.

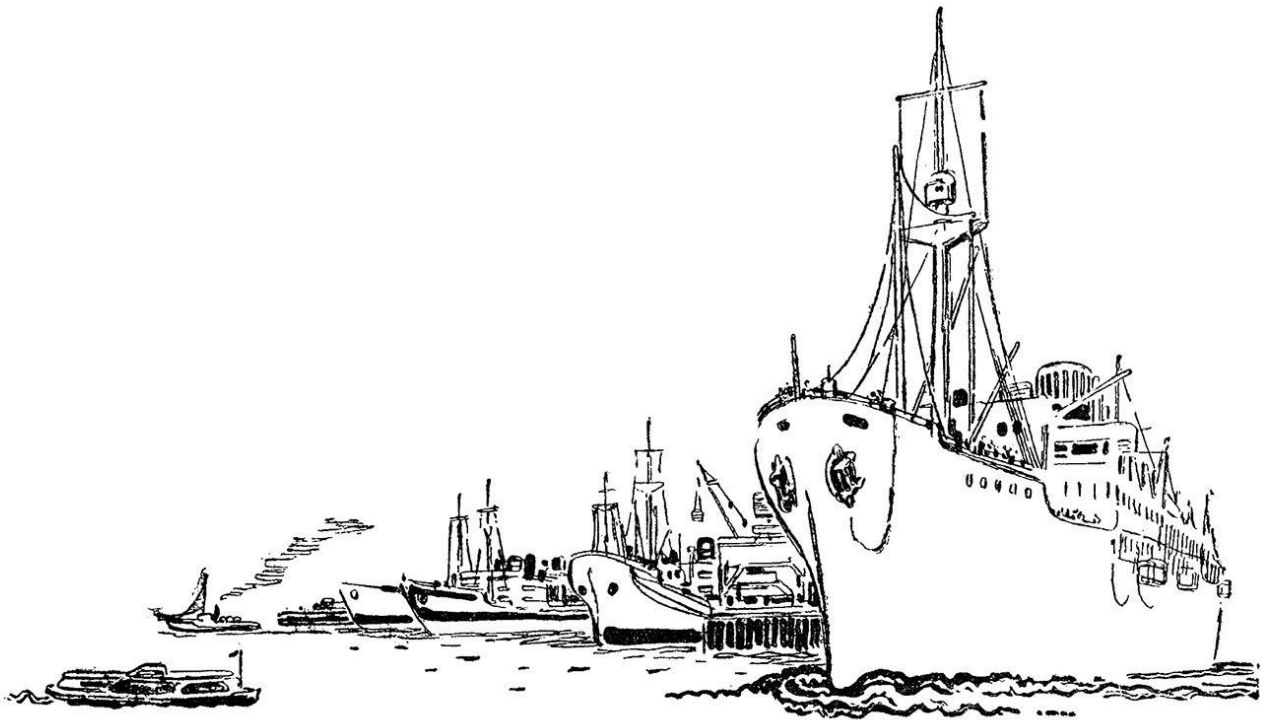
Я видел, что и они не знают, как поступить, что со мной сделать. И я молчал, даже заплакать не мог, так мне было жаль и папу, и тетю Лиду, и себя.

— Лидия Михайловна, пусть Сашка с вами останется, — наконец сказал папа, — а завтра вы с ним вместе на завод — к нам на корабль — приедете.

— Конечно, пусть останется, — сразу же согласилась тетя Лида.

Мы немного проводили папу по вечернему городу, а потом вернулись в нашу комнату.

А как же будет дальше? Я долго об этом думал, так и заснул, ничего не придумав.

ТРАМВАЙ, НЕ ПОХОЖИЙ НА ТРАМВАЙ

— Сейчас поедem на завод, где чинят папин корабль, — сказала тетя Лида после завтрака.

— На чем поедem?

— На трамвае.

Я люблю ездить на трамвае: он грохочет по рельсам мимо домов и магазинов, звенит. Очень весело ехать на трамвае!

Мы спустились на улицу и по бульвару вышли к морю. В маленькой будке с крохотным окошком тетя Лида купила билеты.

— А где же трамвай? — спросил я.

— Сейчас придет.

— Как же он придет, — удивился я, — тут и рельсов нигде нет.

— Он по морю ходит.

И правда, через минуту к берегу подошел небольшой

катер. Это и был морской трамвай. Внутри такие же скамейки, как в обычном трамвае, а окна без стекол. Катер прогудел и побежал по морю к другому берегу.

Слева виднелись причалы. Около причалов стояли суда: большие, поменьше и вовсе маленькие. На одно большое длинное судно могучий подъемный кран грузил какие-то тяжелые ящики.

— Не наше, — румынское, — сказал один пассажир в трамвае соседу и указал на это судно.

Дальше стояли военные корабли. Мне показалось, что я увидел эсминец, на котором был вчера, катер и даже, кажется, узнал мичмана на катере. Я вспомнил веселого моториста, вспомнил кока и капитана с эсминца. Мне страшно захотелось снова побывать в гостях у моряков. Но трамвай быстро проскочил военный причал и уже бежал мимо морского вокзала.

Здесь я увидел огромный корабль с высокими мачтами, с двумя большими трубами.

— Это «Адмирал Нахимов», — показала на него тетя Лида. — На нем сразу могут уехать тысячи пассажиров.

«Адмирал Нахимов» громко загудел и стал кормой пятиться на середину бухты. Потом он медленно развернулся и двинулся вперед к воротам мола.

Мы вышли из трамвая на другой стороне бухты. Теперь дома на том берегу казались игрушечными. А перед нами стояли большие многоэтажные корпуса. Высоко в небо дымили четыре заводские трубы, которые показались мне издалека тонкими папиросками.

— Что делают на этом заводе? — спросил я.

— Цемент, — ответила тетя Лида.

— А что такое цемент?

— Цемент — такой серый порошок, из него еще приготавливают бетон: смешивают цемент с песком, разбавляют водой. Пока бетон жидкий, ему можно любую форму придать, а когда застынет, его ничем не возьмешь.

— Я видел, будто камень, — вспомнил я, как у нас в Малаховке делали из этого самого бетона столбы для забора.

— Правильно, будто камень, — подтвердила тетя Лида. — Ты помнишь дорогу на аэродроме, на которую самолет опускался?

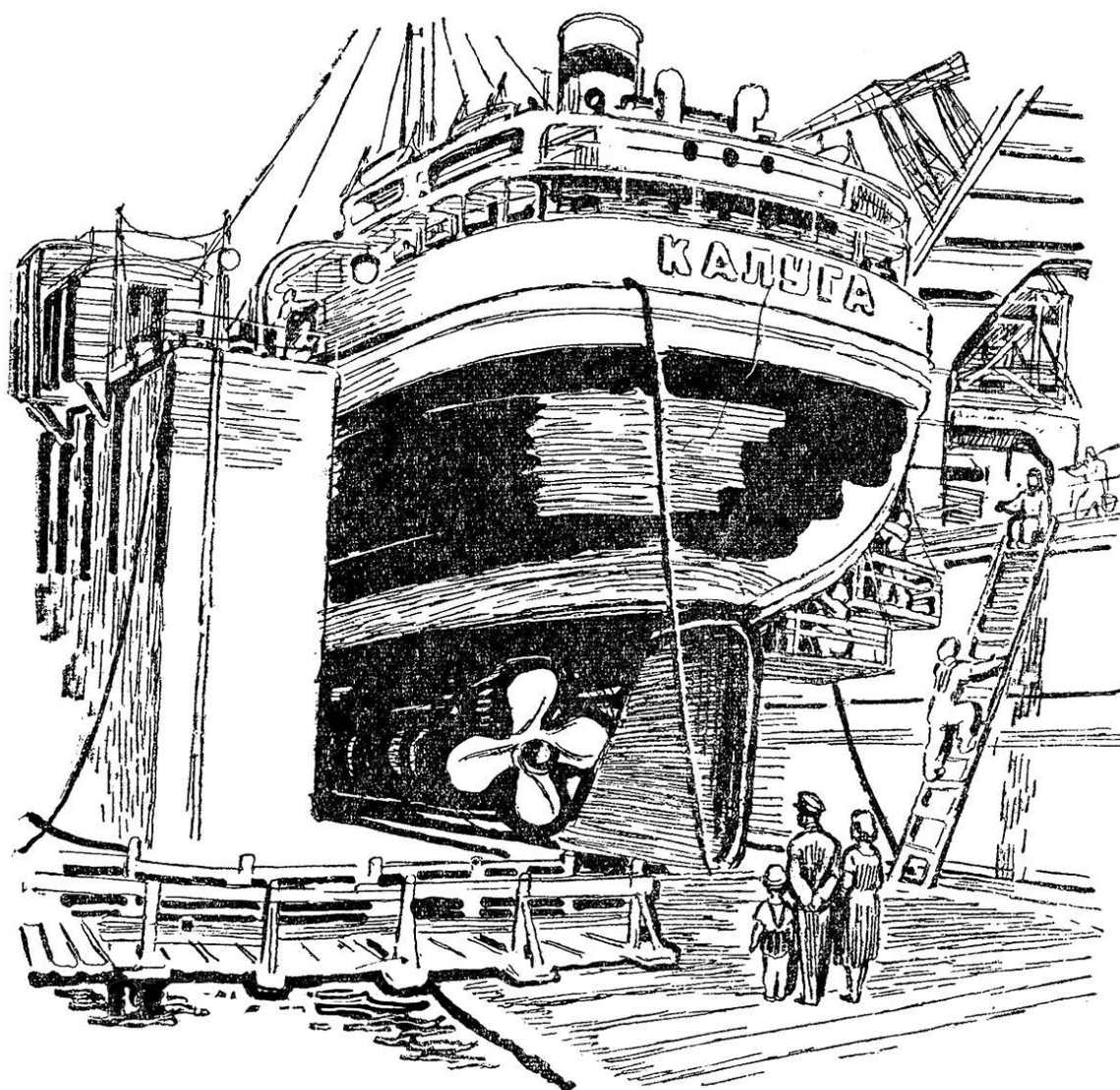
— Помню.

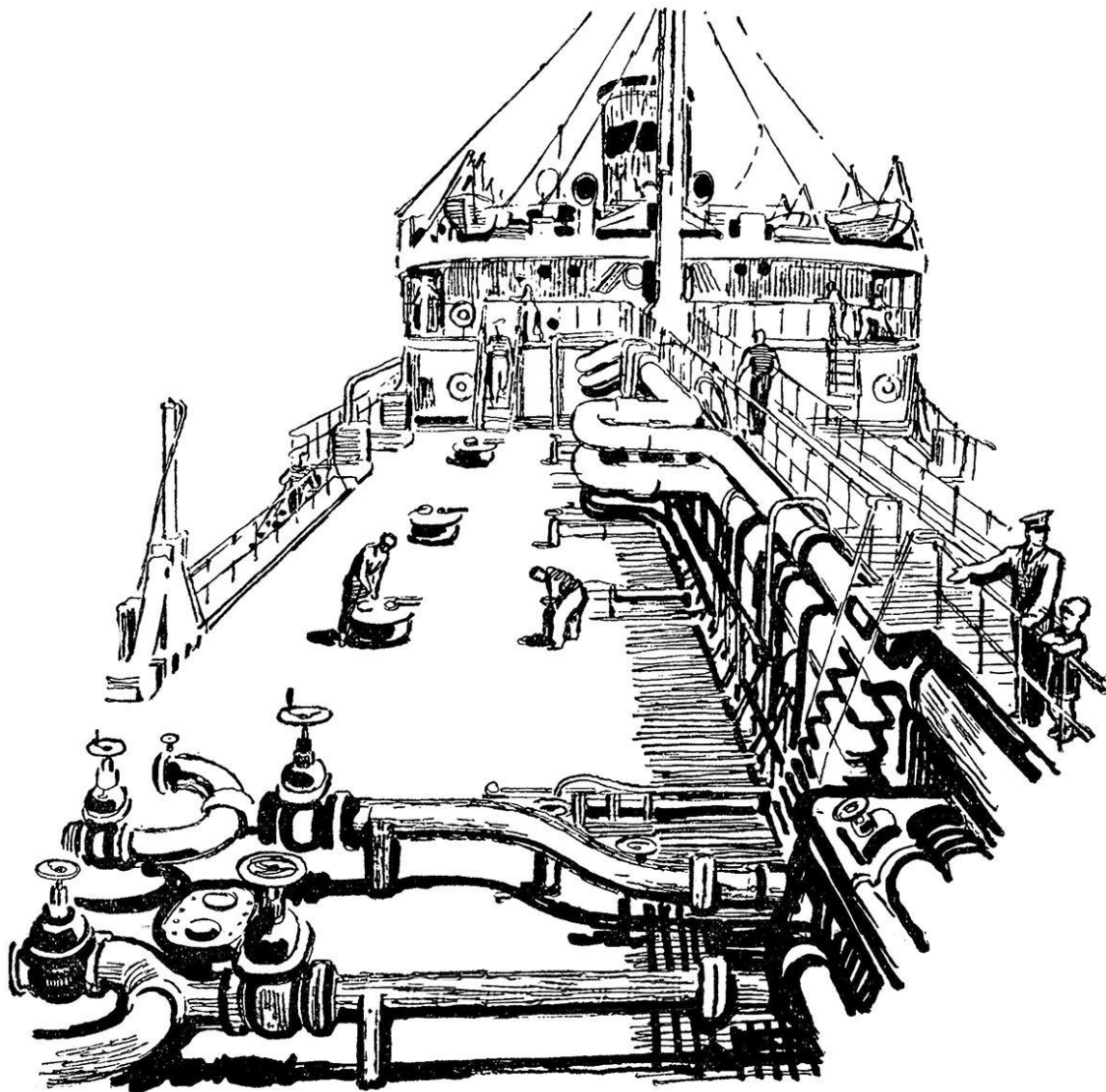
— Она тоже сделана из бетона. Без цемента ни одного дома не построишь, ни одного моста.

ТАНКЕР «КАЛУГА»

Калуга — город недалеко от Москвы. Именем этого города называется корабль, на котором папа плавает по морям. Очень часто корабли называют именами городов. Только трудно их все запомнить. А вот слово «К-А-Л-У-Г-А» я не только запомнил, но и научился читать.

Это слово написано на носу корабля и на корме большими буквами. Их видно издали. Оно написано на спасательных кругах и на всех лодках, которые есть на корабле.

Мне очень повезло: я мог осмотреть весь корабль снизу доверху, потому что он был поднят из воды на доке. Если бы я сам не видел, то никогда бы не поверил, что можно вынуть из воды такую громадину величиной с пятиэтажный дом. Но док поднял корабль.

Док — это большой-пребольшой ящик из стали и бетона. Только у этого ящика нет крышки, а вместо передней и задней стенок — ворота. Ящик-док затопляют водой, и в середину его входит корабль — весь целиком. Док всплывает, и тогда корабль оказывается весь снаружи.

Папа встретил нас у ворот завода и повел к доку. Мы долго шли чуть ли не под самым дном корабля. Девушки, одетые в специальную форму, счищали ржавчину со стального корпуса, и ветер уносил рыжую пыль.

Под кормой я увидел медный винт, при помощи которого движется судно. Каждая из четырех лопастей винта куда больше меня. А руль такой здоровенный, что и папа, наверное, до верха его не достанет рукой.

По крутой железной лестнице мы сначала поднялись на стенку дока. От стенки к борту корабля был переброшен неширокий мостик с перилами. Моряки называют такой мостик трапом. По трапу мы перешли на танкер «Калуга».

Я, конечно, сразу спросил папу, почему их корабль называется танкером. Папа подвел меня к люкам на палубе. Тяжелые железные крышки люков были приоткрыты, и я увидел глубокие ямы.

— Это баки, — сказал папа. — В них мы перевозим нефть. Баки эти по-нашему, по-морскому, называются танками, поэтому и весь корабль называется танкером.

МОРСКОЙ ВОЛК

Тетя Лида заспешила обратно в город. Перед отъездом она долго целовала меня. Мы с папой проводили ее до самого трамвая. Я смотрел ей вслед все время, пока она шла по стенке дока, и махал рукой. У спуска на лестницу она обернулась и тоже помахала.

— Она вернется? — спросил я у папы, когда тетю Лиду уже не стало видно.

— Да.

— Обязательно?

— Пойдем, Саша, — позвал меня папа. — Я тебе покажу наш танкер.

Мы проходили около танковых люков, перелезали по трапам через толстые трубы, пробирались по узким проходам, держась за металлические перила. Наши ботинки громко стучали по железному полу.

— Тут везде полы железные? — спросил я.

— На кораблях полов нет, у нас полы называются палубами, — ответил папа. — И ты, сынок, привыкай: это па-

луба. А вот это ре-лин-ги, — показал он на железные перила, за которые я держался.

Мы прошли в носовую часть корабля. Там я увидел мачту, лебедки с тяжелыми якорными цепями. Папа показывал мне еще много разных вещей и называл их, но разве можно все сразу запомнить?

Потом мы спустились в машинное отделение, где работал папа. И там было интереснее всего. Я увидел самую важную машину на всем корабле — двигатель. Ведь это он движет танкер по морям и океанам!

— Работает наш двигатель на нефти, — объяснял мне папа.

А я тут же рассказал, что по дороге в Новороссийск видел, как добывают из-под земли нефть.

— Молодец, сынок! — похвалил папа. — Правильно делаешь, что все замечаешь и запоминаешь. Вырастешь, тоже моряком будешь.

— А хочешь быть моряком? — обратился ко мне дядя Леша — корабельный электрик.

— Хочу! — ответил я.

— Тогда надо отца слушаться, — сказал он. — Твой отец у нас здесь самый главный, и мы его все слушаемся.

— А капитана слушаетесь? — спросил я, вспомнив капитана эсминца, которому подчинялись все военные моряки.

— Капитан — другое дело! — заметил дядя Леша. — Он всему кораблю хозяин. А наше хозяйство — машины.

— Капитан у нас старый морской волк, — сказал папа.

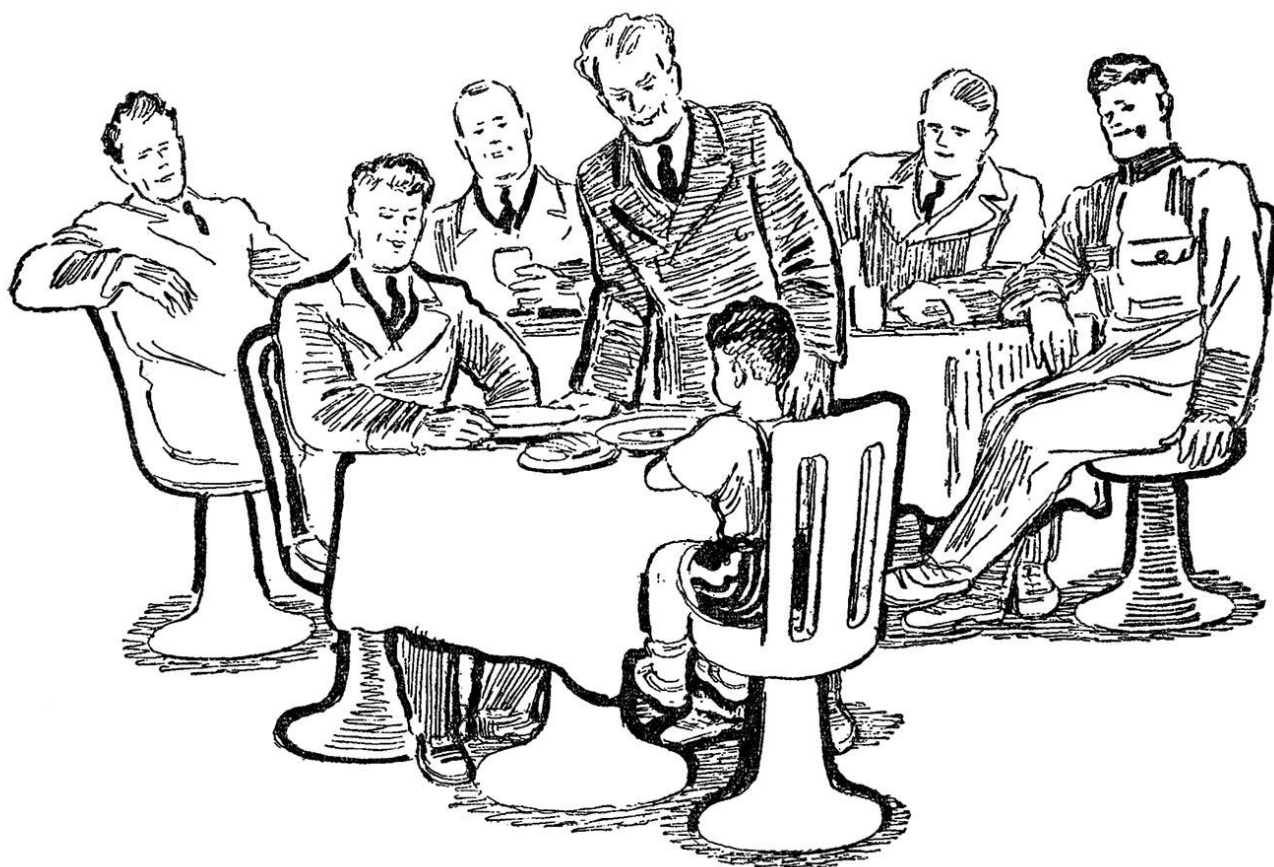
— Почему волк? — осторожно спросил я.

— А ты уж испугался? — улыбнулся дядя Леша. — Не бойся, у нас волками называют старых, опытных моряков.

Я успокоился. Но все же, когда папа предложил сходить на капитанский мостик, я отказался. Почему-то встречи с капитаном я побаивался.

В КАЮТ-КОМПАНИИ

Мы пришли обедать в столовую. На корабле ее называют кают-компанией. Тут все как в обыкновенной столовой, только столы и скамейки привинчены к полу, вернее, к

палубе. На корабле вся мебель привинчена к палубе. Это для того, чтобы она не скакала при сильной качке.

Во время обеда в кают-компанию пришел пожилой моряк. Все присутствующие поздоровались с ним. Я тоже сказал: «Здравствуйте!» Он, наверно, услышал меня, хотя я говорил совсем тихонечко. Он посмотрел, остановился около меня и протянул руку:

— Ну, здравствуй!

Я подал руку.

— Так вот ты какой, Саша Лопатин! — Он погладил меня по голове, а потом сказал папе: — Поздравляю, Константин Алексеевич, с большой радостью.

— Спасибо, — ответил папа.

— Что ж, Саша, давай дружить, — повернулся опять ко мне пожилой моряк.

Я взглянул на него. Глаза моряка смотрели на меня нестрого, хотя голос звучал вроде как бы сердито. Видя, что я ничего не отвечаю, он опять заговорил:

— Я капитан этого танкера. Думал, ты сам ко мне на мостик придешь. У нас такой морской порядок: пришел на корабль — первым делом явись к капитану, представься, доложишься. Правильно я говорю?

— Правильно! — ответили папины товарищи.

Я посмотрел на отца, не зная, что мне говорить. Отец улыбнулся. Мне даже показалось, что капитан весело ему подмигнул. Тогда, осмелев, я ответил:

— А я этого не знал, товарищ капитан.

Все кругом засмеялись.

— Тогда, значит, твой отец недоглядел, — опять улыбнулся капитан. — Должен был предупредить тебя...

— Простите, товарищ капитан, — сказал папа, — действительно, недоглядел...

— Ему простительно, — заметил дядя Леша. — Радость большая, сына встретил...

— Ну, что же, простим его? — спросил капитан.

— Простим! — зашумели и засмеялись все.

Я понял, что капитан вовсе не строгий. Он сейчас просто шутил, как и все остальные.

ПОЕДЕМ СКОРЕЕ!

Пришел вечер. После ужина я стоял на открытой палубе и смотрел на бухту, на море.

Море сейчас было красное, словно раскаленное. Это солнце садилось и освещало воду, придавая ей такой цвет.

Морской трамвай пересекал бухту. Корабли стояли у причалов. Я узнавал серые — военные, белые — рыболовные корабли. Быстрая лодка мчалась к воротам молча, высоко задрав нос. Я уже знал, что эта лодка — морской автомобиль, такой же, как «Победа», только бежит по морю.

Далеко в море виднелось какое-то судно. Большое оно или маленькое? Разве угадаешь! Сейчас оно выглядит совсем малюсеньким, а подойдет ближе — и окажется огромным танкером или многоэтажным пассажирским пароходом. Сегодня уже со мной было так: ожидал я маленькую лодку, а пришел большой грузовой пароход.

Я постоял еще немного, посмотрел и пошел в нашу ка-

юту. Там за столом сидели папа и дядя Леша. Они рассматривали какие-то бумаги.

Дядя Леша с папой спорили, кричали, затихали, но через минуту опять начинали спорить. Мне стало скучно. Вспомнился детский дом. Вспомнились ребята и, конечно, Вова и Оля.

Вдруг что-то будто кольнуло меня. Я вспомнил тетю Лиду. Целый день я не видел ее.

Я испугался. А что, если тетя Лида уехала совсем? Как же это я раньше не догадался? Слезы сами потекли у меня из глаз.

— Что с тобой, Саша? — спросил папа, поднимая меня на руках.

— Э-э, что же это такое... — покачал головой дядя Леша. — А еще из Москвы приехал, на самолете летел!

Но мне сейчас было все равно. Только об одном я мог думать. Неужели никогда больше я не увижу тетю Лиду? И каюта, и танкер, и все-все кругом показалось мне сейчас каким-то холодным и неудобным.

— Тетя Лида! Тетя Лида! — только и мог я выговорить.

— Ну что ты, сыночек, тетя Лида завтра утром приедет, — пытался утешить меня папа.

Но мне казалось, что меня обманывают. Не приедет больше тетя Лида. Я вспоминал, как она целовала меня сегодня утром перед уходом. Вспоминал, как она прощалась с папой. Конечно, уехала она назад в Малаховку, к ребятам, и никогда я больше ее не увижу.

— Тетя Лидочка, дорогая тетечка Лидочка!

— Не кричи! — сказал папа строго. — Сейчас поедem в гостиницу, и ты убедишься сам, что никуда она не уехала...

— Папочка, миленький, поедem скорее! — упрашивал я, стараясь сдерживать слезы, чтобы папа не рассердился еще больше. — Поедem скорее, а то она уедет!

И в автобусе всю дорогу я не мог успокоиться, хотя и перестал плакать громко. Когда мы подходили к гостинице, мне хотелось побежать вперед, но папа держал меня за руку. Зато уж как только папа постучался в дверь и послышался знакомый голос, я не вытерпел, влетел в комнату и бросился к тете Лиде:

— Тетечка Лидочка, как хорошо, что вы не уехали!..

Она подхватила меня на руки и поцеловала.

— Вот видите! — сказал папа, разводя руками.

Он стоял около дверей, держал в руках фуражку и смотрел на тетю Лиду, как будто был перед ней в чем-то виноват. Глаза у папы были грустные, и теперь мне его стало жаль.

— Папа, иди сюда, — позвал я, прижимаясь к тете Лиде.

МОРЯКИ НИКОГДА НЕ ПЛАЧУТ

Я лежал на диване, положив голову на руку тети Лиды, и смотрел на папу. Все снова было хорошо. Папа сидел на стуле возле дивана и что-то рассказывал тете Лиде. Я не понимал, что он говорил: слова то врывались в самое ухо, то вдруг замирали, будто долетая издалека.

Да и не так важно было, что говорил папа. В комнатке были самые любимые — папа и тетя Лида. Из-под абажура разливался мягкий свет. Глаза слипались. Хорошо! Только бы всегда было так!

Утром я проснулся рано-рано, с испугом, но тут же успокоился, увидев спавшую на соседней кровати тетю Лиду.

— А где папа? — спросил я, как только она открыла глаза.

— Вечером уехал на свой корабль.

— Тетя Лида, а вы никуда на уедете?

Я смотрел на нее пристально. Ведь мне обязательно надо было знать это точно. А тетя Лида молчала. Она о чем-то задумалась.

— Видишь ли, Саша, — начала наконец она. — Мне, конечно, надо уезжать. Ты сам знаешь, меня ждут в детском доме, и заведующая меня отпустила ненадолго...

Я понимал, что все она говорит правильно. Но разве я мог навсегда расстаться с тетей Лидой?

— А как же я без вас? — только и спросил я.

— Ты будешь с папой, — ответила тетя Лида, — а у Вовы, у Оли, у других ребят никого нет. Я должна к ним ехать. Подумай сам.

Все было верно. Но разве нельзя иначе?

Тетя Лида гладила меня по голове и ласково уговаривала:

— Ты вырастешь, станешь настоящим моряком —

сильным, смелым, как твой отец. А своей тете Лиде будешь писать письма из далеких морей. И ты никогда не будешь плакать. Моряки никогда не плачут...

Я проглотил горький комок, застрявший в горле. Наверное, очень трудно быть настоящим моряком и никогда не плакать. Нелегко быть и сыном моряка.

Но все-таки я сдержал слезы. Ведь я — сын моряка!

СОДЕРЖАНИЕ

Меня зовут Сашей	4
Самая трудная буква	5
Новое несчастье	7
Дни рожденья	8
У меня есть папа!	9
Мой папа — моряк	11
Что было написано в письме	12
Мы едем с тетей Лидой	13
Нас провожает весь детский дом	14
Электричка бежит быстро	15
Я не боюсь.	16
Поезда проходят под нами	17
Москва	18
Мы в метро	20
На другом вокзале	21
До свидания, Москва!	22
В вагоне.	24
Поехали!	25
Мне страшно	26
Столовая на колесах	27
Киев	28
Вот этот дом.	29
В чужой квартире	31
Где папа?	32
Отсюда улетают самолеты	33
Неужели я полечу?	35
Над землей	36
Тетя, которая все знает	37
Автобус дальнего следования	38
Кавказские горы	40
Куда я попал?	42
Я сам!	42
Первая неудача	44
Это не так просто	45
Вот оно какое!	46
Морской праздник	49
Мы идем на поиски.	49
На боевом катере	51

Катер уходит от берега	52
Капитан второго ранга	53
Флотский обед.	54
На берег!	55
Что было с папой.	56
Как мне быть?	58
Трамвай, не похожий на трамвай	59
Танкер «Калуга»	61
Морской волк	63
В кают-компании.	64
Поедем скорее!	66
Моряки никогда не плачут	68

Для детей младшего школьного возраста

Олег Кельсиевич Бедарев

Я — СЫН МОРЯКА

Редактор И. Фомина
Художественный редактор М. В. Таирова
Технический редактор Р. А. Медведева

Сдано в набор 12.II 1960 г. Подписано к печати
13.VII 1960 г. Формат бум. 84×108 ¹/₁₆. Физ. Печ. л. 4,5.
Усл. печ. л. 7,38. Уч-изд. л. 3,8 Изд. инд. ДЛ-108.
АО 7237. Тираж 300 000 экз. Зак. 202. Цена 1 р. 70 к.
С 1/I 1961 г. цена 7 коп.

★

Издательство «Советская Россия»,
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

★

Политграфкомбинат Ярославского совнархоза
Г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Цена — 1 р. 70 к.
(Цена с 1 января
1961 г. 17 коп.)

С О В Е Т С К А Я Р О С С И Я